

155
156
157
БОЛГАРСКИЯ ПѢСНИ

0

ДОЙЧИНЪ и МОМЧИЛЪ.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ

В. Джуринского.

31/85.
4/31.

Киевъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владимира.

В. Загадского. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1893.

БОГАРОДИЦЫ

СВЯТЫМ ПАМЯТЬЮ

Святой Екатерине

и Елизавете

888

Благодарю за помощь в изучении языка и культуры Болгарии

Саша

V
809: 398
~~Англ~~

БОЛГАРСКІЯ ПѢСНІ

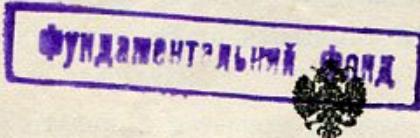
811
Д.42

0

ДОЙЧИНЪ И МОМЧИЛЪ.

ИЗСЛЕДОВАНИЕ

В. Джуринского.

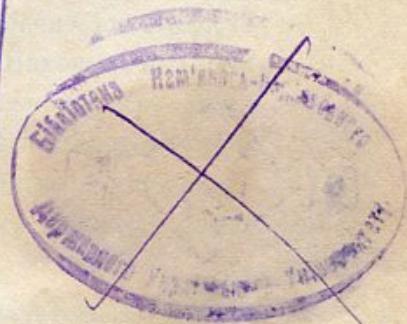

Kievъ.

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Університета Св. Володимира.

В. Завадзкого. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1898.

ОТТИСКЪ ИЗЪ „УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ“ ЗА 1893 Г.

ПЕЧАТАНО ПО ОПРЕДЕЛЕНИЮ СОВѢТА ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Св. ВЛАДИМИРѢ.

Болгарскія пѣсни о Дойчинѣ и Момчилѣ.

Изученіе народной поэзіи Болгаръ началось сравнительно недавно и до сихъ поръ состояло почти исключительно въ записываніи и изданіи сырого материала. Въ этой области у Болгаръ сдѣлано больше, чѣмъ можно было бы ожидать, принявъ во вниманіе тяжелое положеніе, въ которомъ находилась Болгарія до конца семидесятыхъ годовъ. Послѣ первого большого сборника болгарскихъ пѣсенъ, составленнаго г. П. Безсоновымъ и изданнаго въ Москвѣ въ 1855 г., явились одинъ за другимъ весьма важные и объемистые сборники Верковича, братьевъ Миладиновыхъ, Дозона, Качановскаго, Ястребова, Иліева, Шапкарева. Сверхъ того не малое количество пѣсенъ напечатано въ болгарскихъ, старыхъ и новыхъ періодическихъ изданіяхъ (особенно въ „Періодическомъ Списаніи“ Болгарскаго ученаго общества). Наконецъ въ 1889 г. изданіе памятниковъ народнаго творчества приняло на себя правительство: въ основанномъ на средства Министерства Народнаго Пропаганды Сборникѣ „за народни умотворенія, наука и книжнина“, отводится значительное мѣсто народнымъ пѣснямъ и вообще памятникамъ народнаго творчества.

Изданный пѣсенный материалъ отличается значительнымъ богатствомъ и разнообразіемъ; научная же разработка его почти еще не начата. Устарѣвшая въ настоящее время статья Безсонова „Эпосъ сербскій и болгарскій“ (находящаяся при сборникѣ пѣсенъ) доселѣ остается единственнымъ опытомъ характеристики болгарскаго эпоса.

Кромъ этой работы, можно указать лишь немногое: рядъ мелкихъ статей Халанского въ Русск. Фил. Вѣстн., посвященныхъ вообще юго-славянскому эпосу, и особенно его новый, еще печатающейся, трудъ „Юго-Славянскія сказанія о Маркѣ Королевичѣ“, статью Попова „Бѣлгарскитѣ юнашки пѣсни“ (въ третьемъ и четвертомъ томахъ „Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина“) и небольшія замѣтки о болгарской народной поэзіи въ общихъ сочиненіяхъ о Болгаріи Каница, К. Иречка и др. При такомъ положеніи дѣла изученіе болгарской народной поэзіи, представляя значительныя трудности, вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не привлекать къ себѣ самого живого вниманія славянского этнографа.

Настоящіе очерки относятся къ области изслѣдованія болгарского эпоса. Они посвящены разбору пѣсенъ о Дойчинѣ и Момчилѣ, двухъ выдающихся герояхъ болгарскихъ эпическихъ сказаний. Первый можетъ быть рассматриваемъ какъ характерный представитель юнаковъ болѣе древняго типа. Второй—историческая личность, память о которой сохранилась и въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Задача работы состояла въ приведеніи въ связь отдѣльныхъ сказаний о данныхъ герояхъ, въ разысканіи исторической основы или первичнаго мотива, лежащихъ въ древнѣйшихъ сказаніяхъ, въ опредѣленіи послѣдующихъ измѣненій и наслоеній, наконецъ въ уясненіи согласно народному представлению личности и характера того и другого болгарского юнака. Такъ какъ и Дойчинъ, и Момчило хорошо известны и сербскому эпосу, то при выполненіи работы приняты во внимание и сербскія пѣсни обѣ этихъ, собственно болгарскихъ, юнакахъ.

Пѣсенный материалъ, употребленный для данной работы, заимствованъ изъ слѣдующихъ сборниковъ:

П. Безсоновъ, Болгарскія пѣсни изъ сборниковъ Ю. И. Венелина, Н. Д. Катранова и другихъ Болгаръ. М. 1855. (Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей. XXI, XXII).

Дм. и К. Миладиновци, Бѣлгарски народни пѣсни. Въ Загребѣ 1861.

Aug. Dozon, Болгарски народни пѣсни. Chansons populaires bulgares inédites Paris. 1875.

B. Качановскій, Памятники болгарского народнаго творчества. Сборникъ западно-болгарскихъ пѣсень. Спб. 1882. (Изд. Академіи Наукъ).

К. А. Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умотворения. Кн. 1—6. Софія 1891—92.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Издава министерството на народното просвѣщение. София. Т. I—IV. 1889—91.

Вук Караджичъ Српске народне пјесме. Кн. II. Друго издање. У Бечу.

И. С. Ястребовъ, Обычаи и пѣсни Турецкихъ Сербовъ. Спб. 1886.

Периодическо Списание на Българското книжовно дружество. Срѣдецъ кн. XII.

Дойчинъ Воевода.

Солунскій воевода Дойчинъ—одинъ изъ любимыхъ героевъ югославянскаго, особенно болгарскаго, эпоса. Исторія ничего не даетъ для опредѣленія времени и личности Дойчина, и потому трудно решить, насколько преданія и пѣсни о Дойчинѣ могутъ быть названы историческими. Въ эпосѣ онъ относится ко второй половинѣ XIV столѣтія: Марко Кралевичъ, умершій въ 1395 году, въ пѣсняхъ является побратимомъ Дойчина. Марко Кралевичъ брошенъ Азацкимъ королемъ въ темницу. Напрасно предлагается онъ за себя большой выкупъ: король обѣщаетъ продержать его еще десять лѣтъ. Тогда Марко получаетъ возможность написать письмо къ Дойчину:

„О Дојчило, Богом побратиме!
Тешке сам ти муке допаднуо,
Тешке муке у Арапске руке,
Доадну ропства и тамнице;
У тамници живити не могу,
Тамница је кућа необична;
Избави ме, ако Бога знадеш.“ (Вук II, 65).

Побратимомъ Марка Кралевича выступаетъ Дойчинъ и въ болгарской пѣснѣ сборника Шапкарева № 338.

Кромѣ того имя Дойчина въ болгарскихъ пѣсняхъ связано съ воспоминаниемъ о Косовѣ. Въ одной пѣснѣ (Кач. № 200) султанъ Муратъ задаетъ бану Петру такой вопросъ:

Чуй ме, Петре, оште да те питамъ:
„А кой бѣше третіѣ краль,
„Што—то язди коня Доралія
„Тай ми—мене воистя намали?“
Одговара Петеръ добаръ юнакъ:
„Това бѣше Дойчинъ добаръ юнакъ,
„Той си язди коня Доралія,
„Той ти тебе воистя намали.“

Изъ подвиговъ Дойчина главное мѣсто въ болгарскихъ пѣсняхъ отводится борьбѣ его съ Чернымъ Арапиномъ; затѣмъ встречаются пѣсни, самостоятельно разрабатывающія мотивъ смерти Дойчина, измѣнну его жены, женитьбу и отношенія къ туркамъ.

Значительное количество пѣсень посвящено первому мотиву: Безсоновъ 1.; Миладиновци Д. и К. №№—88, 155, 154. Качановскій—185—188; Ястrebовъ—60; Дозонъ—40 (варьянть не полный); Шапкаревъ—392, 407, 431, 454; Сборн. за народни умотв., наука и книжнинна Ш, нар. ум. 97; Вукъ II—78 и др. Содержаніе всѣхъ этихъ варьантовъ имѣть общий фонъ, который представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Дойчинъ боленъ; а между тѣмъ къ Солуню подступилъ злой врагъ южнославянскихъ богатырей и жестокій насильникъ—Черный Арапинъ. Онъ сталъ притѣснять населеніе тяжелыми налогами и требовалъ, чтобы ему на каждую ночь присыпали по красивой девушки, которую утромъ онъ убивалъ. Очередь дошла до сестры больного Дойчина; послѣдній, не смотря на свою болѣзнь, выступилъ противъ врага, убилъ его, но, вернувшись домой, и самъ умеръ.

Изъ значительного количества относящихся сюда варьантовъ особыго вниманія заслуживаетъ 187 номеръ въ сб. Качановскаго, и 155-й въ сборн. Милад. Варьантъ этотъ цѣликомъ входитъ во всѣ остальные, отличается простотой, краткостью и отсутствиемъ нѣкоторыхъ постороннихъ мотивовъ, проникшихъ въ эту группу сказаний о Дойчинѣ; среди другихъ онъ производить впечатлѣніе древнѣйшаго и, вѣроятно, болѣе подходитъ къ первоначальной пѣснѣ, чѣмъ остальные. Содержаніе его слѣдующее:

Боленъ лежитъ Дойчинъ, славный юнакъ, лежитъ уже девять лѣтъ времени—и кости у него разлежались. Богъ пусть убьетъ Чер-

наго Арапина, который съѣдаетъ въ день „краву яловицу“ и выпиваетъ девять бочекъ вина; очередь онъ устроилъ въ Будимѣ городѣ: по ночамъ требуетъ себѣ красивыхъ женщинъ, а днемъ красныхъ девушекъ. Дошла очередь и до Дойчинова двора, до сестры больного юнака. Плачетъ сестра, плачетъ горькими слезами. Сталъ ее братъ спрашивать: „Что горько плачешь, сестра? Надоѣло тебѣ, видно, ухаживать за мной“; сестра рассказала объ Арапинѣ. Велѣлъ Дойчинъ привести полотна,

Опасасе юнакъ, отегнасе,
На си стана, та си спрви своя добра коня,
И си зема своя тынка сабля,
На си яна своя добра коня,
На излезна на росна ливадя.

Вскочилъ на ноги и Черный Арапинъ, завида Дойчина.

Побѣгналъ е Дойчинъ добаръ юнакъ.

Пустилъ Арапинъ въ догонку будоганомъ, но попалъ Дойчину въ стремя. Метнулъ тогда будоганомъ и больной юнакъ и

Удари го меджи двѣ-ти очи.

Въеднакъ се очи испърснали.

Вернулся затѣмъ Дойчинъ домой, взобрался на высокую постель
И въеднакъ се съ душа раставило. (Сб. Качан.)

Варьантъ Миладиновыхъ (155), въ которомъ вм. Будима стоитъ болѣе древній Солунь, сравнительно съ предыдущимъ заключаетъ одну только характерную особенность: онъ знаетъ, что на томъ мѣстѣ, где Дойчинъ погубилъ Чернаго Арапина, возникло и до сихъ поръ существуетъ село Араплія (ср. приведенное Шапкаревымъ преданіе о томъ же, № 392 примѣч.):

И тамъ село сѣ градело,
И сѣ викна Араплія
Що ми стоять денъ денеска.

Въ дальнѣйшемъ распространеніи нашего мотива появляется уже на сцену „налбатинъ“—кузнецъ (Шапк. 431: „Боленъ юнакъ Гъеро убива Арапина“). Этотъ варьантъ принадлежитъ къ той же группѣ пѣсенъ о борьбѣ больного Дойчина съ Чернымъ Арапиномъ, только вмѣсто Дойчина въ немъ выступаетъ Гъеро, Георгій. Когда сестра сообщила брату о причинѣ своего горя, больной Гъеро просить ее повести стоявшаго девять лѣтъ безъ употребленія коня къ „налбанту“,

пусть подковалъ бы его на вѣру, „на юнашка вересиа“: „останусь живъ заплачу, а погибну, пусть простить.“ Но налбантъ не вѣритъ слову юнака и согласенъ исполнить порученіе только въ томъ случаѣ, если Яна, сестра больного, отдастъ ему свои черныя очи. Въ слезахъ вернулась Яна домой. Заплакалъ и Гьеро, узнавъ о случившемся. Обмотавшись шелковымъ поясомъ девяти локтей въ ширину и пятнадцати въ длину, онъ выѣзжаетъ со двора на накованномъ конѣ, наказываетъ спачала налбанта, отрубивъ его русую голову, а затѣмъ убиваетъ Арапина. *Варьянтъ этотъ не знаетъ о смерти самого юнака.*

Но больной Дойчинъ, въ теченіе девяти лѣтъ не выступавшій ни въ одномъ подвигѣ, запустилъ и свое оружіе: сабля его покрылася ржей. Отсюда въ нѣкоторыхъ варьянтахъ (Кч. 186, Шпк. 392) выступаетъ рядомъ съ налбантомъ и „ковачъ“. Къ нему Дойчинъ, потерпѣвъ неудачу съ конемъ у налбанта, посылаетъ свою сестру выточить заржавѣлую саблю „на юнашка вересиа.“ Ковачъ не вѣритъ слову Дойчина и наноситъ оскорблѣніе беззащитной дѣвушкѣ:

Ако дадеш бело лице

Кье ти остримъ остра сабла (Шпк. 392).

Больной Дойчинъ вынужденъ идти противъ врага со своимъ накованымъ конемъ и саблей „ржавицей.“ — Наказавъ предварительно налбанта съ ковачемъ, Дойчинъ выступаетъ противъ Арапина, убиваетъ его и, возвратившись домой, умираетъ самъ.

Въ 188 номерѣ сб. Кч—аго воспѣвается борьба съ Арапиномъ больного Демяна; вмѣсто ковача мы встрѣчаемся здѣсь съ молодымъ хлѣбникомъ („младо симичиче“), который нигдѣ въ другихъ варьянтахъ не попадается. Къ хлѣбнику больной Демянъ посылаетъ сестру купить „на юнашка вересиа“ „три жешки симида“ — три горячихъ хлѣба. Зачѣмъ больному Демяну понадобились хлѣбы передъ битвой, мы не можемъ сказать, но и „младо симичиче“ требуетъ у дѣвушки „церни очи на залога.“ Обернувшись свое большое тѣло въ полотно, Демянъ выѣзжаетъ изъ дома, чтобы наказать налбанта и хлѣбника, не имѣя однако въ виду борьбы съ Арапиномъ; по дорогѣ онъ, будто случайно, встрѣтилъ своего врага и, уклонившись отъ битвы съ нимъ, наказалъ сперва налбанта съ хлѣбникомъ. Возвращаясь затѣмъ, онъ снова

. . . Сретна церна Арапина.

„Богъ те уби, церно Арапино!

„Очешь съ мене бой да правиши“?

— Очемъ (рекалъ Арапинъ).

Демянъ, убивъ своего врага, вернулся домой и самъ умеръ. Варьантъ этотъ, сравнительно съ предыдущими, не знаетъ причины борьбы съ Арапиномъ, которая является случайною; не знаетъ о притѣсненіяхъ Арапина, объ обидѣ женщины. За то въ составъ его входитъ великолѣпная, трогательная картина смерти больного юнака, давшая сюжетъ двумъ самостоятельнымъ пѣснямъ (Шпк. 407, 454).

Нѣкоторые варьанты, кромѣ нальмана и ковача, выводятъ третье лицо. Въ 154 №. сб. Миладиновыхъ Дойчинъ, потерпѣвъ неудачу у первыхъ двухъ, посылаетъ за Имеромъ — берберомъ (брадобрѣемъ): да мизбричит глава вересія (во время болѣзни сильно должны были отrostи волосы юнака). Но „берберъ“ оказывается такимъ же вѣроломнымъ, за что и терпитъ достойное наказаніе.

Арапинъ, по этому варьанту,

„Глава иматъ колку еданъ казанъ (котелъ)

„Уши имать, колку два таруна (тарелки)

„Очи имать, колку два шиника (осьмина).

Угнетенные жители Солуни, узнавъ о гибели Арапина,

„Се що живо излезе да пулить

„Младо старо Болена Дойчина,

„И да славатъ, да фалять юнаство.

А самъ герой „легна и си умре.“

Въ другомъ Миладиновскомъ варьантѣ (№ 88), сохранившемъ въ испорченномъ видѣ имя Имера, который является уже не „берберомъ“, а „Умеромъ бичакчіей“ (пожевщикъ), мы встрѣчаемся съ новымъ лицомъ: Дойчинъ посыаетъ свое оружіе Плетикосу Павлу, („Да ми міеть студено оружіе), который нелестными предложеніями оскорбляетъ бѣдную дѣвушку и гибнетъ за свою дерзость.

Въ этой пѣснѣ, не въ примѣръ прочимъ, указывается прямо, что предложенія вѣроломныхъ друзей Дойчина не только оскорбили его сестру, но опозорили и ея имя:

Ай ти тебе Болена Дойчина

Що ми стори голема *страмота*

Со твоя — та вѣрна побратима

· · · · ·

Айти тебе Митре Поморянче

Поморянче вѣрна побратима
Ще те имафъ кай мой цѣрни очи,
Що ю ова голема *страмота*,
Що ми стори на моя-та сестра.

Кромѣ того, варьантъ этотъ содержитъ одну очень любопытную и сравнительно древнюю бытовую черту: Черный Арапинъ, утвердившись вблизи Солуя,

И ми собра старци и попо'и
На день сакать по две фурни лебецъ
И имъ сакать крава яло'ица и т. д.,

другими словами, Арапинъ заставилъ старѣйшинъ города, стоявшихъ, вероятно, во главѣ правленія, устроивъ очередь, платить себѣ дань.

Въ 185 том. Кч—аго и у Ястребова „Больной Дойчинъ и Арапинъ“ стр. 60, кромѣ налбанта и ковача находимъ молодого Чифутина—еврея (Кч. 185) или „преметарче, верно побратимче“ (Ястребовъ 63 стр.). (Преметарче—торговецъ краснымъ товаромъ). Къ пимъ посылаетъ больной Дойчинъ сестру за полотномъ; торговцы, не говоря ни слова, отпускаютъ Дойчину нужное количество полотна въ долгъ и за то, убивъ вѣроломныхъ ковача съ налбантомъ, Дойчинъ возвращается къ безкорыстному чифутину и награждаетъ его двойной платой.

Въ Безсоновскомъ варьантѣ (Болг. п. I) мы не видимъ притѣсненій Чернаго Арапина. Пѣсня начинается болѣзнию Дойчина. Арапинъ присыпаетъ къ нему въ Солунь вѣстника, вызывая на бой. Дойчинъ принимаетъ вызовъ и побѣждаетъ Арапина. Этому варьанту принадлежитъ уже новый мотивъ—измѣна жены Дойчина, которая заклиналаДойчинова коня, чтобы онъ не возвращался домой со своимъ хозяиномъ, а привезъ бы ей Чернаго Арапина. Дойчинъ, узнавъ отъ коуя объ этомъ, убиваетъ и жену. Въ этомъ варьантѣ онъ не только не умираетъ, какъ въ другихъ, но, совсѣмъ оправившись отъ болѣзни,

Забѣгнѣ по Влашкѣ землѣ Богданскѣ.

Итакъ, только въ одномъ варьантѣ мы не находимъ эпизодовъ ни съ налбантомъ, ни съ ковачемъ, ни съ чифутиномъ, и, не смотря на то, не колеблемся признать эти эпизоды вставочными, наслоеніями, проникшими въ пѣсни о борьбѣ больного Дойчина съ Арапиномъ изъ

другого ряда пѣсень. Въ этомъ убѣждаетъ насъ то обстоятельство, что въ постепенномъ развитіи нашего мотива крайнюю стадію представляетъ появление налбанта, ковача и чифутина; ей предшествовала стадія съ ковачемъ и налбантомъ, а этой—съ однимъ налбантомъ. Съ другой стороны намъ извѣстна пѣсня (Дозонъ № 40), въ которой говорится, какъ молодая жена больного юнака (Георгія), тяготясь жизнью съ больнымъ мужемъ, требуетъ у него позволенія выйти замужъ за другого, на что юнакъ сначала даетъ согласіе, но затѣмъ рѣшается отомстить женѣ. Онъ посыпаетъ сестру къ налбанту и ковачу, которые наносятъ ей оскорблениѳ, предлагая исполнить порученіе брата за любовь съ ея стороны. Юнакъ наказываетъ смертью и того и другого. Пѣсня эта не заключаетъ даже и намека на бой съ Арапиномъ, а указанные эпизоды составляютъ въ ней существенную часть. Наконецъ есть пѣсня, въ которой какой-то Солунче куетъ коня и Бога просятъ:

Кам' да юмре болин Дано
Да му земам невеста-та
Невеста-та Ангельина цѣрнойока.

Услышавъ это, Ангелія
Въ кѣши флезе, пѣрсте крѣши,
Вонк излезе—солдзи ропе.

Больной Дано спрашивается о причинѣ слезъ и Ангелія отвѣчаетъ:

Варай любе, пѣрво любе!
Солуненче койниа кове
Койниа ковѣ, Бога моле:
Ти да юмреш, мен да земе. (Шпкар. 778).

Въ пѣснѣ этой, очевидно, что-то недосказано, она прервана какъ будто въ серединѣ: слѣдовало бы ожидать, что и больной Дано захочетъ отомстить за себя и за жену.

Итакъ, главный мотивъ приведенныхъ пѣсень—освобожденіе больнымъ юнакомъ сестры отъ предстоящаго ей поруганія. Насильникомъ въ этихъ пѣсняхъ является Черный Арапинъ. Сюда-же можно отнести нѣкоторыя пѣсни о Маркѣ Кралевичѣ, который освобождается отъ Арапина дочь царя Константина (Кч—й 124. Вук II, 61 и др.). Арапинъ подступилъ къ Стамбулу и требуетъ у Константина

руки его дочери, а пока царь колеблется, онъ притѣсняетъ населеніе, разными налогами, подобными Солунскимъ. Царица съ дочерью рѣшили прибѣгнуть къ помощи славнаго юнака—Марка Кралевича. Марко вступилъ въ бой съ Арапиномъ, убилъ его, а отъ богатыхъ даровъ, предложенныхъ въ награду, отказался. Таково вкратцѣ содержаніе этихъ пѣсенъ.

Разбирая приведенный пѣсни о борьбѣ Дойчина съ Чернымъ Арапиномъ нельзя не замѣтить, что онъ имѣютъ мало точекъ соприкосновенія съ господствующимъ въ болгарскомъ эпосѣ т. н. гайдуческимъ направленіемъ. Напротивъ, онъ содержитъ довольно много такихъ элементовъ, начало которымъ слѣдуетъ искать въ болѣе глубокой древности. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ Дойчинъ

Си то пузъ-тъ подхвѣрли
Девять сахата отива
Таче го съ конче стигаше,
Та го съ рѣкѣ хваташе (Бес. I)

и сопоставимъ это мѣсто хотя бы со слѣдующимъ русской былины:

Ай кидаетъ она палицу булатную,
Ай подъ облаку да подъ ходячую,
На добромъ кони она вѣдь подѣзживать,
Ай одною рукой палицу подхватывать,
Какъ перомъ то лебединымъ поигрывать (Гильф. Онежск. был. 463).

Указаніе на подобную игру оружiemъ мы находимъ и въ „Chanson de Roland“ (Ор. Миллеръ Илья Муромецъ стр. 16). Такое совпаденіе служить доказательствомъ древности этой черты; но она еще глубже отодвинется въ старину, если вспомнить молотъ германскаго Тора, который, будучи кинутъ, возвращался постоянно въ руки хозяина (Ор. Миллеръ Илья М. стр. 16).

Какъ на древнюю черту мы можемъ указать и на страхъ Дойчина:
Фѣкна ми Дойчинъ, да бѣга (Бес. I стр. 15)
Побѣгналъ е Дойчинъ добаръ юнакъ (Кч—ії 187, 15.).

Этотъ страхъ, изображеніе котораго относится къ тому давнему времени, когда герои эпическихъ сказаний не были еще идеализованы до степени людей, ничего не боящихся, служить тоже доказательствомъ древности Дойчина. Вѣдь и у старого Ильи Муромца пріужахнулось сердце богатырское при встрѣчѣ съ поленицей—дочерью; вспом-

нимъ кстати и троянца Гектора, какъ онъ, гонимый страхомъ и Ахилломъ, трижды обѣжалъ вокругъ стѣнъ Троянскихъ. Надо замѣтить, что страхъ богатырскій продолжается обыкновенно не долго, какъ и у нашего Дойчина.

Древностью отзыается и перебранка враговъ передъ битвою, въ которой Дойчинъ называетъ Арапина „биволеншо лайно“, а Арапинъ попрекаетъ его болѣзнью: „Назадъ вернись, назадъ, сухой, выслушенный! Нѣть въ тебѣ ни крови ни мяса, чтобы покормить мое оружіе:“

Назадъ, назадъ сую сушенице!

Немашь кервь, сабля да напоишь! (Кч. 185).

Немашь месо, коршумъ да нарашишь,

Оружіе Дойчина—легкій будоганъ, палица, вѣсомъ въ девяносто окъ (около 7 пудовъ). Притѣсненія Арапина напоминаютъ трехглаваго дракона изъ „чуда“ св. Георгія. Арапинъ

На денъ руча крава яловица

. . . Ношкемъ любе мома и невѣсты,

Ношкемъ любе, денска ги губи. (Кч. 185 и др.).

Въ „чудѣ“ обыкновенно говорится, что близъ города завелся злой драконъ, и каждый день драконъ пожиралъ людей и жестоко притѣснялъ ихъ. Царь устроилъ очередь для жертвуюемыхъ дракону дѣвицъ (Веселовскій „Разысканія“ II, 201—205).—Но не изѣжалъ Дойчинъ и гайдуческаго вліянія. У Безсонова пѣсня кончается слѣдующими словами:

Таче ми Дойчинъ забѣгнѣ

По Влашко землѣ Богданскѣ (убивъ жену и налбанта)

Безсоновъ въ этихъ заключительныхъ словахъ склоненъ видѣть намекъ на то, что Дойчинъ сдѣлся гайдукомъ. Дѣйствительно, слово „забѣгнѣ“ во многихъ пѣсняхъ является синонимомъ понятія „поступилъ въ гайдуки“. Возникновеніе такого именно конца въ пѣснѣ о Дойчинѣ, который, побѣдивъ Арапина, убилъ налбанта и жену, весьма понятно: обстоятельства, которыми кончается исторія Дойчина, при современномъ сказителю положеніи дѣль, должны были дать типичнаго гайдука: убійство жены, налбанта, ковача должны были бы вызвать преслѣдованія турецкаго правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезновеніе семьи уничтожаетъ привязанность къ насиженному мѣсту, и гайдучество въ такомъ положеніи является единственнымъ примирающимъ исходомъ.

Намъ слѣдуетъ теперь обратиться къ врагу нашего юнака — Чертному Арапину.

Уже Безсоновъ пытался опредѣлить значеніе этого загадочнаго существа въ болгарскомъ эпосѣ. „Марко, дѣйствуя за одно съ турками, говоритъ онъ, подвигается противъ злыхъ враговъ ихъ — Черныхъ Араповъ. Въ ту эпоху, за исключеніемъ угревъ, которые сюда не подходятъ, врагами турокъ были татары и волохи. Но первымъ нельзя было бы приписать въ пѣсняхъ такого обширнаго круга дѣйствій, а Араповъ встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу: думаемъ, что это черные волохи, кара—влахи. Фантазія сдѣлала Араповъ изъ Черныхъ Волоховъ; черными же были волохи по смыслу исконной зависимости, по множеству имъ свойственныхъ прозвищъ и географическихъ названій и наконецъ потому, можетъ быть, что въ эту именно эпоху появились между волоховъ и молдаванъ цыгане, въ началѣ весьма воинственные (какъ и теперь въ Испаніи), сообщившіе отчасти, можетъ быть, самимъ волохамъ и молдаванамъ энергию въ упорствѣ противъ турокъ“ (Эпостъ Сербскій и Болгарскій стр. 42 и 45). Затѣмъ, Безсоновъ приводить рядъ фактовъ для подтвержденія своей мысли. Очень возможно, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Арапинъ дѣйствительно выступаетъ вмѣсто кара—влаха, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что кара—влахъ = Арапину во всѣхъ случаяхъ. Дѣло въ томъ, что Арапинъ въ большинствѣ извѣстныхъ намъ пѣсенъ получилъ общее значеніе *врага*, дѣйствія котораго распространяются въ меньшей степени на турокъ, чѣмъ на юнаковъ народныхъ пѣсень; врага, подъ общее имя котораго могутъ одинаково подходить и угры, и кара—влахи, и татары, и цыгане, и, наконецъ, отдѣльныя личности.

Халанскій (Р. Ф. В. 1882 г. вп. VIII), отвергая гипотезу Безсонова, ищетъ родину Араповъ на южныхъ берегахъ Чернаго моря, въ М. Азіи. Въ доказательство своего предположенія онъ ссылается на одну сербскую пѣсню (В. II, 62), въ которой Марко, по приглашенію Баязида, выступаетъ „на арапску љуту покрајину.“

Кад дођоше граду Цариграда,
Диже царе силовиту војску;
Отидоше преко мора сильег
На Арапску љуту покрајину,

т. е., когда Марко Кралевичъ со слугой Голубаномъ пришли въ Царь-

градъ, султанъ съ сильнымъ войскомъ направился *черезъ море* въ Арапскія владѣнія. Дѣйствительно Баязидъ въ началѣ XV в. воевалъ въ М. Азіи съ татарами. Подъ Ангорой онъ былъ разбитъ Тамерланомъ и даже попалъ въ плѣнъ. Въ походѣ участвовали и сербы, которые оказывали Баязиду значительную поддержку. Такимъ образомъ пѣсенное царство Араповъ находилось „преко мора сињег“, т. е. за Чернымъ моремъ и Архипелагомъ. Вслѣдствіе этого первоначально подъ Арапами слѣдуетъ понимать Арабовъ. Такъ думаетъ Халанскій. Мы же съ своей стороны прибавимъ, что въ эпосѣ существуютъ указанія на то, что пѣсенный Арапъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ возникъ изъ пегра. Вотъ нѣкоторыя относящіяся сюда данныя.

Слово Арапинъ означаетъ чернаго человѣка. Дойчинъ, отправляясь на выручку къ Марку Кралевичу изъ Азацкой тюрьмы,

Све мислио, па једно смислио:

Па узимље боју карабоју (черная краска)

Бијело је обојило лице

Начини се цри Арапине, (В. II, 65)

т. е. Дойчинъ черной краской покрасилъ свое бѣлое лицо и сталъ такимъ образомъ чернымъ Арапиномъ.

Марко, разсказывая своей матери о томъ, какъ онъ убилъ дѣвушку Арапку, дочь арабскаго царя, которая помогла ему бѣжать изъ темницы, такъ описываетъ ея наружность:

А уза ме Арапка ћевојка,
Загрли ме црнијем рукама;
Кад погледох, моја стара мајко,
Она црина, а бијели зуби,
То се мени мучно учинило и т. д. (Вук. II, 64):

У Арапки—черные руки, сама она черная, а зубы бѣлые; наружность у нея до того непривлекательная, что Марку „мучно“ (досадно, страшно) стало и онъ покончилъ съ ней. Здѣсь подъ Арапкой мы готовы признать негритянку, потому что дѣйствительная арабка не могла бы произвести такого отталкивающаго впечатлѣнія: арабы, отличаюсь только болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи, принадлежать къ самымъ красивымъ народамъ и вмѣстѣ съ болгарами и сербами принадлежать одной и той же расѣ; арабка, слѣдовательно, не могла испугать наружностью Марка Кралевича, который, убивая непріятную

для себя девушки, не считалъ ее даже человѣкомъ; гуманный Марко, защитникъ угнетенныхъ, забываетъ въ данномъ случаѣ и клятву и благодарность—до того поразила его наружность черной девушки.

У Арапа

Горна буза вилица покриват,

А долна-та до цѣрни-те очи (Шпк. III 291)

—указаниѣ на особый складъ и толщину губъ Араповъ.

Наконецъ въ болгарскомъ эпосѣ сохранилось воспоминаніе объ Арапахъ невольникахъ: Арапинъ убиль послѣдняго болгарскаго царя, а не турокъ. „Да ги (т. е. царя Константина) бѣа Турци посѣкли, че они да са роби; или Арапинъ посѣче, то за то Турци стана царове, а Арапи стана роби, та и и днесъка продавая“ (Кч. № 126); такимъ образомъ Арапы стали рабами, которыхъ продаютъ по народнымъ вѣрованіямъ и до сего дня.

Дойчинъ, желая наказать измѣнницу жену, посылаетъ Чернаго Арапина „на нови пазара“ и приказываетъ ему купить триста локтей полотна, а затѣмъ поручаетъ ему казнь Дойчиницы.

Да натопиш триста лакти платно,

Да завияш млада Дойчиница,

Та да земеш една грамна оган,

Дѣ запалиш млада Дойчиница (Шпк. 334).

Возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ арабы и негры проникли въ юго-славянскій эпосъ? Халанскій признаетъ въ этомъ посредство Византіи: съ VIII в. начинаются вторженія арабовъ въ предѣлъ Византіи и столкновенія съ ними наполняютъ греческій эпосъ (сказанія о Диогенѣ Акритѣ); арабскіе халифы содержали въ своихъ войскахъ значительное количество негровъ, изъ которыхъ состояла почетная стража мусульманскихъ правителей. Съ другой стороны славяне служили въ греческомъ войскѣ, и такимъ образомъ, борьба Византіи съ арабами уже въ priori должна была отразиться въ юго-славянскомъ эпосѣ. Вмѣстѣ съ арабами подъ тѣмъ же именемъ могли проникнуть сюда и негры. (Р. Ф. В. 1882. т. VIII „Замѣтки по славянской народной поэзіи“).

Впослѣдствіи у южныхъ славянъ Черный Арапинъ сталъ общимъ именемъ для обозначенія враговъ, пришедшихъ съ востока. Когда на мѣсто арабовъ появились въ М. Азіи турки, то и къ нимъ

было приложено тоже название. Реальнымъ основаниемъ могло послужить и здесь то, что въ войскѣ турокъ было много арабовъ и негровъ. Такимъ образомъ Арапинъ часто равняется турчину; напримѣръ Радивоя

Сусрете га Мехмед Арапине
Са ѿгових тридесет делија
Турчин Ѯера три товара благо.

Въ той же пѣснѣ начальникъ отряда названъ Арапиномъ, а его деліи – турками. (Халанск., указ. соч. 119 стр.).

Когда вслѣдъ за турками въ М. Азіи появились татары, то и къ нимъ приложили тоже самое название. Въ пѣснѣ Вука—II, 62. Баязидъ бьется съ арапами, т. е. съ дѣйствительными татарами.

Непосредственный столкновенія съ турками и татарами обнаружили и разницу между ними: у Араповъ явились бѣлые руки, русая голова и въ концѣ концовъ получился весь „бѣлый арапинъ“. Чѣмъ ближе, такимъ образомъ, къ настоящему времени, тѣмъ туманнѣе становится представленіе о царствѣ Араповъ и наконецъ является *terra incognita*; самъ Арапинъ перестаетъ уже быть этнографической единицей, подъ это имя могутъ подходить всякаго рода насильники, въ родѣ русскаго Поганаго Идолища (Халанскій, указ. соч.).

Изъ всего сказанного слѣдуетъ, что, при возстановленіи исторического элемента, въ пѣснѣ слѣдуетъ подъ Арапиномъ разумѣть, смотря по надобности, тотъ или другой народъ, то или иное лицо, такъ какъ въ эпоху возникновенія большинства юнацкихъ пѣсень, въ которыхъ фигурируютъ Черные Арапы, дѣйствительной связи между арабами и южн. славянами уже не существовало.

Но значеніе Араповъ этимъ не исчерпывается. Черный Арапинъ является иногда какимъ-то темнымъ, сверхъестественнымъ существомъ; насилие его преступаетъ предѣлы обыкновенного произвола и сообщаетъ ему характеръ существа демонического; онъ повременамъ даже напоминаетъ тѣхъ трехглавыхъ змѣевъ и драконовъ, которые посылаются на страну за грѣхи народа (нпр. въ сказаніяхъ о Георгіи храбромъ). На сверхъестественную природу Арапина указываютъ слѣдующія данныя:

У побѣжденнаго Влѣкомъ Арапина – три сердца:

Распори Влько Арапче;
Арапче било съ три сръца.
Пръво-то фръкна и скокна,
Второ-то съ пъна повіено,
Трете-то хаберъ не мало (Бес. XLII).

Руварацъ (Две студентске расправе. Нов. Сад. 1884. 32) отмѣтилъ у Игнатія Брлича пѣсню о женитѣбѣ Душана, въ которой тещь посылаетъ въ догонку за молодыми трехглаваго змѣя: „онъ извѣде змаја троглавита“. Въ пѣснѣ того же содержанія у Вука (II, 29) Краль Михаилъ, чтобы отнять у Душана невѣсту, которую тотъ получилъ, одолѣвъ массу препятствій, посылаетъ какого то Балачка воеводу, мало чѣмъ отличающагося по существу отъ упомянутаго трехглаваго змѣя:

На Балачку јесу до три главе;
Из једне му модар пламен бије,
А из друге ладан вјетар дува.
Кад два вјетра изићу из главе,
Балачка је ласно погубити.

Въ битвѣ съ Милошемъ (чобаниномъ—настухомъ) этотъ Балачко пользуется такимъ пріемомъ:

Па он пусти један пламен модар
Опали му црну међедину;
Онда пусти вјетра студенога,
Три пут се кулаш преметнуо.

Наконецъ въ третьей пѣснѣ того же содержанія является Арапинъ:

На води је харап три хиљаде,
Међу нима троглав Харапине. (Пр. Пѣв. 72).

Итакъ трехглавому змѣю и Арапину приписывается эпосомъ одна и также функция.

На то, что Арапинъ напоминаетъ драконовъ, посыаемыхъ на страну за грѣхи, мы указали уже выше.

Такимъ образомъ, если предположеніе наше о демонической природѣ Чернаго Арапина въ некоторыхъ случаяхъ оправдывается, то мы съ большою вѣроятностью можемъ допустить подобный фактъ и въ разбираемыхъ нами пѣсняхъ о Дойчинѣ.

Любопытно, что еще недавно на сводахъ западныхъ воротъ Солунской крѣпости (Вардаръ-капія) висѣла кость огромной величины; по преданію эта кость была однимъ изъ реберъ того исполина Арапина, котораго убилъ Дойчинъ. Ребро это свидѣтельствовало о гигантскихъ размѣрахъ Арапина (Шапк., примѣч. къ № 392). Вмѣстѣ съ тѣмъ на разстояніи часа къ С. З. отъ Солуя существуетъ и донынѣ болгарское село Араплія, расположеннное по преданію на томъ мѣстѣ, где происходилъ бой Дойчина съ Арапиномъ (тамъ же).

Въ связи съ подвигами и болѣзнию Дойчина слѣдуетъ поставить еще одну пѣсню. (Сбор. за нар. умотв. М. Н. П.; Нар. ум. 96).

Крачетъ воронъ въ зеленомъ лѣсу и зоветъ всякихъ птицъ, а наибольше черныхъ вороновъ, чтобы шли они внизъ на краину, поживиться павшими въ бою ранеными юнаками. Собралися птицы всякия, а наибольше черные вороны. На каждого юнака птица спускается, а крылатый орель на Дойчина упалъ. Дойчинъ юнакъ выдыхалъ еще духъ и орлу говорилъ: „Охъ крылатый орель! Погоди, дай мнѣ время вздохнуть, дай мнѣ слово сказать, дай письмо написать и послать домой къ родной матушкѣ, пусть не долго горюетъ по мнѣ.“ Согласился орель, и вздохнулъ Дойчинъ, написалъ письмо и послалъ домой къ родной матушкѣ. А понесъ письмо тотъ крылатый орель. Было дѣло на Великій день и играли въ селѣ три хоровода; мать Дойчина вела первый, а сестра второй, третій—люба Дойчина. Встрепенулся орель и письмо уронилъ; къ хороводамъ письмо полетѣло, и, увидѣвъ его, застонала родная Дойчина: „милый Боже! дорогое дитя, мой Дойчинъ! Ожидала тебя я сегодня домой, а тебя въ облакахъ носятъ птицы теперь. Гдѣ ты, вила, дива Самовила? Спѣши сюда, помоги мнѣ найти Дойчина.“ Прилетѣла дива Самовила, тихо матери сказала: „Дойчинъ юнакъ на краинѣ паль.“ И взмолилась мать: „скорѣй, скорѣй, дива Самовила, чтобъ Дойчина тебѣ еще въ живыхъ застать, чтобы старая мать еще разъ на него посмотрѣла.“ Дойчинъ юнакъ уже духъ выдыхалъ. А та дива Самовила, поискавъ въ лѣсу, принесла воды живой и напоила Дойчина юнака. Поправляться стала Дойчинъ юнакъ, а какъ мать пришла, то застала его на юнацкихъ ногахъ; она взяла съ собою Дойчина и щедро наградила Самовилу.

Рядомъ съ пѣснями о подвигахъ Дойчина стоять пѣсни о его смерти, которые, вѣроятно, выдѣлились изъ первыхъ. (Кч. 188, Шпк. 407, 454).

42456-В

Київський Держ. Педагогічний Ін-т
БІБЛІОТЕКА
Відділення

Мы видѣли, что большинство пѣсень о борьбѣ Дойчина съ Арапиномъ оканчивается смертью юнака, что

Распаса си Дойчинъ платно бабочерно
И въеднакъ се съ душа раставило (Кч. 187)

Но уже въ № 188 сб. Качановскаго, вмѣсто краткаго замѣчанія о смерти Демяна (=Дойчина), находимъ какъ бы цѣлую отдельную пѣсню на этотъ мотивъ, непосредственно связанную съ борьбою героя съ Чернымъ Арапиномъ. Вернувшись домой, Демянъ послалъ сестру Ангелію за „лековитой“ водой. Сестра помѣтила дорогу кровью, набравъ ея изъ ранъ брата. Но Богъ, по молитвѣ Демяна, послалъ дождикъ безъ тучи. Всѣ мѣтки смыло, и сестра не могла найти покинутаго брата, который тѣмъ временемъ и умеръ.

Кромѣ приведенного, существуютъ еще два варьянта, въ которыхъ смерть Дойчина отдалилась уже отъ преданія о его борьбѣ и составляетъ предметъ самостоятельной разработки. (Шпк. 407, 454). Оба эти варьянта отличаются прекраснымъ поэтическимъ складомъ и совершенно тождественны по содержанію.

Што ю она на вѣрф на планина?
Дали ми ю грутка снежанова,
Дали ми ю стадо оффарово?
Не ми было грутка снежанова,
Ни пак было стадо оффарово,
Тук ми было бело—на чадора;
Под чадора—болена Дойчина.
До него ю сестра Ангельина.
Той си има седумдесет рани,
Кой од сабіа, кой од боздогана.
Ми лежало до девет години
Искынало до девет постели.
ІС се сони сестре Ангельине,
ІС се сони вода леко'ита,
ІС се сони на вѣрф на планина.
Немат с кого девойка да по'ет,
Брата немат, собрата да по'ет.
„Ой ти тебе, сестро Ангельино!
„Отвѣрзи ми седумдесет рани

„Начекай си кърви гнойови
„Да си клаваш големи нишани
„Кой на дърво, а па кой на камен!“
Кога пойде на върф на планина,
Пак си зеде вода леко’ита.
Кога назат тая се вракьаше,
Ми зароси една ситна роса,
‘Се нишани роса ’и измило.
Ми се качи на високъи камен,
Солдзи ронит, танкъи гласи пушчат:
„Леле Боже, леле до Господа!
„Из неможа брата да си вида!
Што се зави едно сиво орле—
Во уста—та рана Дойчинова.
Ми я пушчи на високъи камен.
Ангелина се од камен фърли. (Шпк. 454) *).

Обратимся теперь къ новому отдельну пѣсенъ о Дойчинѣ, къ пѣснамъ, въ которыхъ жена ему измѣняеть. Измѣна эта не выражалась однако фактъмъ дѣйствительного сближенія Дойчиницы съ другимъ; она заключается въ предосудительномъ желаніи ея выйти при живомъ мужѣ замужъ за другаго.

Уже въ Безсоновскомъ варъянтѣ замѣчаемъ враждебныя отношенія жены къ Дойчину. Измѣна ея стоитъ здѣсь въ связи съ борьбою Дойчина съ Арапиномъ. Провожая мужа въ битву, Дойчиница такъ заклинаетъ коня:

*.) Что воинъ тамъ на горѣ? Сиѣга ли бѣлаго комъ, стадо-ль бѣлыхъ овецъ? Не комъ сиѣга то и не стадо овецъ—то бѣлый шатель и Дойчинъ подъ шатромъ съ Ангелиной сестрой. Дойчинъ боленъ отъ ранъ, что въ бою получилъ, боленъ девять ужъ лѣтъ. И вотъ снится сестрѣ на верху, на горѣ—живая вода. Но нѣть брата у ней, не съ кѣмъ бѣдной пойти. „Ангелина сестра! Моя раны открои, гною, крови возьми, положи ю знаки на стволы деревъ и на камни“—такъ сказала ей юнакъ; И пошла сестра и съ живою водою возвращалась назадъ; частый дождикъ пошелъ и всѣ мѣтки посыпалъ. На крутую скалу забралась сестра, слезы льетъ и восклицаетъ: „Боже мой! горе мнѣ! брата я не увижу. Вотъ извился сизый орелъ и изъ устья на скалу опустилъ Дойчинову руку. Всѣдъ за ней винъ бросилась и Ангелина.

Конче ле, штѣти зарѣчъмъ:
Да не си конче играло
Дано Дойчина убѣжът,
Черен Арапин да дойде.
Да даде Господь, конче—ле,
Боленъ Дойчинъ заведи.
Черепъ Арапинъ донеси.

Отъ коня Дойчинъ узналъ объ измѣнѣ и, возвратившись домой, убилъ жену, а самъ „забѣгнѣ“.

Въ сербскомъ варъянтѣ, тождественномъ съ Безсоновскимъ, мотива измѣны не видно. Но и здѣсь жена Дойчина называется „льута, прокљета“ и дѣло представляется такъ, что она напрасно, ради шутки, поссорила мужа съ побратимомъ-налбантомъ.

При опредѣлении эпической личности Дойчина пѣсни объ измѣнѣ могутъ играть весьма незначительную роль: онъ не похожи на историческую повѣсть, даже мало соответствуютъ юнацкой пѣснѣ; это скорѣе бытовая картинка, иллюстрація къ народному принципу о неразрывности брачного союза: если жена при живомъ мужѣ выходитъ замужъ за другого, то это считается оскорблениемъ для всего рода и влечетъ страшное и позорное наказаніе. Даже такая уважительная причина, какъ неизлѣчимая болѣзнь мужа не оправдываетъ дурного поступка жены. У насъ есть примѣръ, гдѣ больной мужъ позволилъ женѣ выйти за другого и не смотря на то жена не спаслась отъ его же руки. Мужъ въ данномъ случаѣ является мстителемъ не за себя лично, а какъ будто мстить за оскорблѣніе всего рода. Вотъ содержаніе этой пѣсни (Dozon Chans. pop. Bulg. 40; слѣдуетъ замѣтить, что эта пѣсня заключаетъ обстановку весьма близкую къ той, какую представляютъ пѣсни о борьбѣ Дойчина съ Арапиномъ и, хотя самой борьбы въ ней недостаетъ, тѣмъ не менѣе ей слѣдуетъ отнести къ пѣснямъ о Дойчинѣ; имя героя въ пей Герги—Георгій).

Разболѣлся Георгій, больной лежитъ, въ огнѣ горить; а жена все убѣждаетъ его дать ей волю выйти за другого: есть у тебя сестра Ангелина, говорить она, пусть она за тобой присматриваетъ, какъ присматривала я цѣлыхъ девять лѣтъ. Больной мужъ даетъ согласіе и позволяетъ ей выйти за

Друго либе, тъй юначно,
Тъй юначно, тъй прилично
То на мене да прилича.

Узнавши однако, что жена его сошлась съ какимъ-то „Гръцко чедо, на глава му ясен мѣсец“, Георгій посыпаетъ сестру къ налбанту и „ножерамъ“ (эпизодъ, на который мы уже указывали), а эти обижаютъ её дерзкими предложеніями. Больной юнакъ наказываетъ ихъ, а потомъ является и къ женѣ:

Ела тука Гергювице,
Да ти кажъ, как ся жениши
Как ся жениши при жив мъжа
Отрѣза ў руса глава.

Такая же участь постигла и мать за то, что не препятствовала дочери выходить замужъ „при жив мъжа“.

Въ другой пѣснѣ (Шпк. 334) въ домѣ больного Дойчина собрались „китени сватове да іа зематъ млада Дойчиница.“ Большой присутствуетъ на пиру; онъ угощаетъ гостей виномъ изъ ведерной чашы и предлагаетъ имъ извлечь изъ ноженъ свою саблю. Никто не могъ этого сдѣлать и, когда очередь дошла до Дойчина, онъ

Уш со рѣка іа не фатил,
Сама сабіа му се отворила.

(Вспомнимъ, что и Одиссей, вернувшись изъ долгой отлучки, состязается съ женихами Пенелопы въ стрѣльбѣ изъ лука; никто не съумѣлъ даже погнуть его, не смотря на распаривание и смазываніе саломъ. Одиссей выстрѣлилъ изъ лука безъ всякаго труда).

Овладѣвъ саблею, Дойчинъ прогоняетъ жениха и сватовъ, а жену его сжигаетъ Арапъ. Дойчинъ присутствуетъ при исполненіи казни.

Пѣснями объ измѣнѣ жевчины чрезвычайно богатъ болгарскій эпосъ. Этотъ мотивъ разсматривается здѣсь въ самыхъ различныхъ направленіяхъ при самой разнообразной обстановкѣ: измѣняетъ, напримѣръ, сестра брату, измѣняетъ мать—сыну, жена—мужу, невѣста—жениху и т. п. Распространеніе другихъ въ этомъ рядѣ пѣсни объ измѣнѣ жены мужу. Въ некоторыхъ изъ нихъ жена долгое время скрывается за мужими плечами и безсовѣстно обманываетъ его; только случай выводить её на чистую воду. Въ другихъ—жена не

только измѣняетъ супружескимъ обязанностямъ, но сообща со своимъ любовникомъ покушается на жизнь мужа; большою частью ему удастся избѣжать опасности и жена терпитъ достойное наказаніе. Существуютъ и такія пѣсни въ которыхъ жена, побуждаемая долгой отлучкой мужа (мужъ—сидить въ тюрьмѣ или отозванъ въ войско и охраняетъ (чува) краину), рѣшается выйти замужъ за другого (ср. русскія былины объ Алешѣ и Добрынѣ); возвращающійся мужъ нападаетъ на сватовъ и разбиваетъ планы жены.

Этимъ пѣснямъ можно было бы указать много аналогій въ иноzemныхъ эпосахъ (ср. напр. Ор. Миллера— „Илья М.“ стр. 525 и слѣд.); но напрасно на основаніи этихъ аналогій мы стали бы говорить о заимствованіи. Въ этихъ пѣсняхъ мы не находимъ ничего чуждаго Болгарамъ; ихъ бытова исторія доставляла и до сихъ поръ доставляетъ обильный матеріалъ для подобнаго рода пѣсенъ. Будничная, зурядная жизнь Болгарина съ его взглядомъ на женщины и отношеніями къ женщинѣ отразились въ этихъ пѣсняхъ, дали имъ начало и ростъ.

Что касается жены Дойчина, то она въ пѣсняхъ является типичной измѣнницей: она не только забываетъ обязанности относительно больного мужа и стремится при его жизни замужъ за другого, что можетъ быть, пожалуй оправдано съ ея стороны; она строить козни своему родному сыну, оставшемуся послѣ Дойчина, и предпочитаетъ ему какого-то Горуна-гидію, ради которого готова имъ пожертвовать. Сынъ Дойчина изображенъ семилѣтнимъ ребенкомъ, который вмѣстѣ съ конемъ и оружиемъ отца, наследовалъ его силу и богатырскую доблесть. Пѣсня разсказываетъ слѣдующее (Шпк. 422):

Полюбился вдовѣ Дойчина Горунъ—гидія. Онъ боится Дойчинова семилѣтняго сына и не рѣшается навѣщать Дойчиницу днемъ, а приходитъ все ночью.

Проговори млада Дойчиница;
„Токум Бога, Горуне—гидіо!
„Що не дойдеш денѧ у пладнина,
„Него дойдеш нощіа у полнощи,
„Та си газиш тиа кални друми,
„И биеш си тиа тевни нощі?
Онъ е рекъл: „Не смеем денѧ да дойдем
„От тфое—то дете седмогодче;

„Да още е на седам години,
„Ама носи бащино оружје“
Проговори млада Дойчиница:
„Ти се не бой, Горуне гьидио!
„И чем дете лесно да измамим:
„Че го пратим у гора зелена
„Тамо има ала трооглава
„На че ала“ дете да погђл’не

Притворившись больной, Дойчиница напоминаетъ сыну о смерти отца, о томъ, что онъ теперь можетъ остаться круглымъ сиротой и просить его принести живой воды со Старой Планины. Послушный сынъ отправился въ путь на отцовскомъ конѣ и съ отцовскимъ оружиемъ. Ему удалось зачерпнуть воды и бѣжать отъ чудовища, которое прельщало его самоцвѣтными камнями:

Кога седиш у честна тѣрнеза.
Да не тражиш сфекья и борина
Да ти сфети бесценно каменье.

Дитя отвѣчало, что камни у него уже есть, что они остались ему послѣ отца, а добрый конь спасъ своего господина отъ опасности. Возвращаясь домой съ живою водою, „дете седмогадче“ повстрѣчало Горуна-гидју, который спроста рассказалъ дитяти, что онъ теперь торонится на свиданіе къ Дойчиницѣ. Молодой богатырь, убивши врага, выкололъ у него глаза, бросилъ въ кувшинъ съ водой и приподнесъ матери. Стала тутъ проклинать Дойчиница того, кто осмѣялся убить ея Горуна, а сынъ схватилъ ее и сжегъ заживо, расправившись по отцовски.

Съ этою пѣсней слѣдуетъ сопоставить сербскую „Јован и Дивски Старејшина“ (Вук II, 8). Царь развелся со своей женой по причинѣ ея дурного поведенія. Она съ сыномъ Јованомъ стала скиваться по бѣлому свѣту. На „дивской планинѣ“ ее обольстилъ „Дивски старејшина“ и для него мать рѣшилась пожертвовать сыномъ. Она выдумываетъ различные способы, чтобы погубить его и, между прочимъ, посыпаетъ за яблоками „из велике воде Каладжијске“, которыя могли будто бы помочь въ ея болѣзни. Здѣсь юноша подвергается опасности отъ „арслана“ — льва, который называется и „ајдах’омъ“,

дракономъ. Онъ не только побѣждаетъ чудовище, но приводитъ его живымъ къ матери. Однажды чуть было не погибъ отрокъ: противъ его силы могло устоять только „адридарско тетиво“ (струна которую употребляютъ шерстобиты). Мать воспользовалась этою слабостью сына и, связавъ его, бросила „у юму студену.“ Чириджія (извозчикъ) Рада со своими товарищами освободилъ его оттуда, а горная вила возвратила ему отнятое зѣніе. Спасенный Іоанъ убилъ обольстителя матери, а ее самое повезъ къ отцу, который велѣлъ казнить ее за всѣ проступки.

Любошынно сопоставить эти преданія съ нѣкоторыми книжного происхожденія, напримѣръ съ апокрифическими сказаніями о царѣ Соломонѣ.

Соломонъ сынъ Давида и Вирсавіи, самой красивой изъ женъ царя. Ему было девять недѣль, когда онъ въ аллегорическомъ разсказѣ предупреждалъ царя о связи матери съ какимъ-то Евреиномъ. Однажды, когда ребенокъ лежалъ въ постели, пришелъ тотъ Евреинъ къ его матери. Любя ты мнѣ и мила, говорилъ онъ, только боюсь я царевича Соломона. Та отвѣтила, что готова отравить его, а Соломонъ, выскочивъ изъ колыбели, кричать на того человѣка: „не по себѣ виноградъ щиплешь, и садъ батюшкинъ царскій крадешь, и чужую пиву орешь, и на краденной кобылѣ їзиши.“ Мать рѣшилась извести сына: она подмѣнила его другимъ похожимъ ребенкомъ, а Соломона велѣла отвести къ морю, убить, тѣло бросить въ воду, а сердце принести ей на синѣй. По совѣту Соломона его самого отпустили на волю, а матери приподнесли сердце пса. (А. Н. Веселовскій „Разысканія“ V. 125—126). Соломонъ остался въ живыхъ и странствовалъ по различнымъ мѣстамъ. Побывалъ онъ и въ царствѣ Пора, слюбился тамъ съ его женой и получилъ отъ нея въ подарокъ кольцо и три самоцвѣтныхъ камня, которые горѣли ночью, какъ свѣча, днемъ—точно солнце. (Камни эти послужили соблазномъ для царицы, матери Соломона и она согласилась за одинъ такой камень провести ночь съ сыномъ, не зная, впрочемъ этого обстоятельства).

Къ числу сравнительно древнихъ пѣсенъ слѣдуетъ отнести пѣсню о женихѣ Дойчина (Шпк. 338).

Задумалъ жениться Дойчинъ воевода. Обѣѣздили сто городовъ безъ города, сто сель безъ села, нигдѣ не находилъ по себѣ невѣсты. Проехалъ онъ, что въ Ядренѣ (Адріанополь) у царя Константина есть

дочь—невѣста Гюргелина; провѣдалъ, снарядилъ доброго коня и поѣхалъ свататься. Братья Гюргелины съ почетомъ встрѣтили жениха, повели его за браные столы. Эхъ вы, братья Гюргены! говоритъ Дойчинъ, выведите-ка невѣсту, пусть у всѣхъ по порядку пѣлуетъ руку, пусть и до меня дойдетъ очередь, а то станете говорить: „что за гидія (молокосось, неопытный юноша) приходилъ и не оставилъ „проводій“ (деньги, которыя родные жениха даютъ невѣстѣ при уходѣ въ день малагоговора). Братья исполнили требованіе Дойчина, а когда до него дошла очередь, онъ одной рукой будто деньги сталъ доставать, другой—схватилъ невѣсту и умчался съ нею.

Отсутствіе многихъ обрядовыхъ подробностей, сватовъ, кумовьевъ и т. п., отъ которыхъ не свободны пѣсни о Маркѣ и даже о Душанѣ, простота обстановки и способа, какимъ Дойчинъ овладѣлъ невѣстой, ставить эту пѣсню въ ряды древнѣйшихъ. Въ ней, мы полагаемъ, могло отразиться воспоминаніе о древнемъ, исчезнувшемъ изъ употребленія, но сохранившемся въ пѣснѣ, обычай умыканія.

До сихъ поръ въ Дойчинѣ мы видѣли типъ одного изъ древнѣйшихъ юнаковъ, сохраняющій древній складъ и чуждый вліянія болѣе позднихъ пѣсенъ о гайдукахъ. Мы подошли теперь къ такой пѣснѣ, въ которой Дойчинъ является уже въ гайдуческой обстановкѣ. Эта обстановка получаетъ въ современномъ болгарскомъ эпосѣ преобладающее значеніе, она стремится и древнихъ и новыхъ героевъ вмѣстить въ одну и ту же рамку, размѣры которой въ значительной степени опредѣляются борьбою и отношеніями къ туркамъ. Къ этой рамкѣ привѣль эпосъ и нашего Дойчина.

Побратимъ Дойчина, Марко Кралевичъ спрашивалъ однажды у Дойчиницы „дека ходе, дека шета“ Дойчинъ воевода. Дойчиница отвѣчаетъ, что мужъ ея въ Горномъ Скоплѣ „прекупилъ деветъ бочори благо вино, со—з— ракиа (водка)—дури десеть“ и „къ три недели испилъ осѣмъ бочори.“

Дочули го, разбрали го
Силни Турци Ієничери,
Скопански—те копалина (бранное слово)
Тешка беда му фѣрлили,
Оти задралъ Дойчин юнакъ,
Оти задралъ Турска мома

ІСничерска посестрима
Со-с помамка го фатили,
Ув железа го фковали,
Дребен синджир на гърло—то,
Булагы—те на нодзе—то,
Белезий—те на ръце—то;
Уф зъндама го фърлили;
Кье го носат на град Стамбол,
Тамо него да загубит.

(т. е.: узнали объ этомъ сильные турки янычары, обвинили его въ тяжеломъ преступлени, будто онъ былъ непочтителенъ къ турецкой дѣвушкѣ, янычарской посестримъ. Схватили его хитростью, заковали въ цѣни и бросили въ темницу, съ тѣмъ чтобы отвести его въ Стамбъль городъ на смертную казнь).

Дойчинъ умудрился прислать письмо къ женѣ; онъ просилъ ее о немедленной помощи. Сначала Дойчиница отказывалась отъ этого: заварилъ Дойчинъ кашу, пусть ее и расхлебываетъ, говорила она Марку, а Марко сталъ убѣждать ее; наконецъ Дойчиница сраженная словами Марка, что такой юнакъ какъ Дойчинъ рѣдко бываетъ („тако-коф юнак ретко бива“), надѣла мужское платье и выѣхала на встречу янычарамъ. Она вступила съ ними въ битву и освободила мужа. Изъ ревности она повела его опять въ Скопле, чтобы убѣдиться не было ли Дойчинъ дѣйствительно въ связи съ турецкой дѣвушкой. Она убѣждается въ невинности Дойчина и мирится съ нимъ за бочкой вина. (Шпк. 338).

Эта пѣсня уже несомнѣнно принадлежитъ къ позднѣйшимъ проявленіямъ творчества болгаръ. Вражда героя къ туркамъ янычарамъ, безсильная ихъ злоба противъ него, хитрость, которую они употребили, чтобы имъ завладѣть, ложное обвиненіе, направленное противъ Дойчина—всѣ эти черты характеризуютъ гайдуческое направленіе болгарского эпоса. Къ этимъ чертамъ присоединяются еще слѣдующія: овладѣвъ Дойчиномъ, турки заковали его въ цѣни и посадили въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобы отвести въ Стамбуль на казнь. Дойчинъ даетъ знать о своемъ несчастии женѣ, которая догоняетъ турокъ и Дойчина, ведомаго на смерть, и вступаетъ съ ними въ бой. Подобные мотивы сильно распространены среди болгаръ: гайдука ведутъ на смерть, но

онъ свистомъ или громкимъ пѣniемъ даетъ знать товарищамъ о своемъ положеніи, тѣ спѣшатъ на выручку. Жена Дойчина, переодѣяющаяся въ мужское платье и вступающая въ открытый бой съ врагами, похожа на „женщину воеводу“ гайдуцкой дружины; такія женщины нерѣдко въ пѣсняхъ нападаютъ въ одиночку на цѣлые отряды турокъ. Образъ женщины, освобождающей изъ тюрьмы заключеннаго (преимущественно хитростью), принадлежитъ тоже гайдуцкому направлению. Наконецъ выраженіе „ходе, шета“ прямо указываетъ на новѣйшее происхожденіе пѣсни: этотъ терминъ примѣняется обыкновенно къ гайдукамъ.

Въ доказательство того, что эта пѣсня принадлежитъ къ числу наслѣденій въ пѣсняхъ о Дойчинѣ, мы скажемъ, что помимо существованія массы подобныхъ мотивовъ, намъ известенъ почти тождественный вариантъ, пріуроченный уже къ имени Марка Кралевича (Шапк. 409). Марко пьетъ вино съ турками янычарами. Они опоили его и сонного заковали въ цѣпи. Марко убѣдилъ турокъ отпустить ему правую руку, чтобы написать письмо къ матери, не ждала бы его больне домой; въ письмѣ Марко просить о немедленной помощи. Мать послѣшила на выручку и освободила сына изъ неволи.

Этими пѣснями о Дойчинѣ исчерпывается нашъ материалъ.

Какъ эпическій герой Дойчинъ представляется намъ оригинальнымъ юнакомъ особеннаго типа, типомъ „большого отъ ранъ юнака“. Больнымъ Дойчинъ сражается съ Арапиномъ, умирающимъ мы видѣли его на полѣ битвы послѣ жаркаго сраженія, больнымъ застаетъ его пѣсня подъ шатромъ на горѣ; больнымъ онъ присутствуетъ на сговорѣ своей собственной жены, больной же даетъ согласіе женѣ на новый бракъ и наказываетъ ее за то, что она воспользовалась этимъ согласиемъ. Здоровымъ Дойчинъ только женится. Но больной Дойчинъ своею силою рѣзко выдѣляется среди обыкновенныхъ смертныхъ, которыхъ онъ превосходитъ молодечествомъ: чашу вина въ ведро онъ выпиваетъ однимъ духомъ, тогда какъ остальные и подняться не могутъ; а та сабля, съ которой долго возились гости на сговорѣ и ничего не могли подѣлать, сама у него изъ ноженъ выпрыгнула. Наконецъ больной Дойчинъ убилъ и могущественнаго Арапина, который долгое время служилъ бичемъ для жителей Солуя. Съ какимъ тонкимъ

художественнымъ чутъемъ обрываетъ пѣсня разскать объ этой побѣдѣ смертью самого героя, какъ трогательно звучить это лаконическое

Распаса си Дойчинъ платно бабочерно
И въеднакъ се съ душо раставило.

Трудно представить себѣ болѣе трагический моментъ! Сильное душевное и физическое напряженіе, вызвавшее въ больномъ страшный подъемъ энергіи и мощи подъ вліяніемъ чувства долга, съ удовлетвореніемъ этого чувства разрѣшается окончательнымъ упадкомъ силы и смертью героя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ эпической Дойчинъ принялъ въ себя самое незначительное количество наслоеній, и пѣсни о его борьбѣ съ Арапиномъ безусловно идутъ изъ глубокой древности, подвергаясь лишь самымъ мелкимъ измѣненіямъ (эпизоды съ налбантомъ и др.) и строго сохранивая основной мотивъ. Изъ этихъ пѣсенъ, мы думаемъ, выдѣлились въ отдельную группу мотивы смерти и измѣны жены. (Тяжело вѣдь жить съ человѣкомъ, умирающимъ каждую минуту; съ этой точки зрѣнія можетъ быть объяснено появленіе этой группы пѣсенъ).

На древность Дойчинова имени съ другой стороны указываетъ и то обстоятельство, что къ его имени, привилось бродячее сказаніе о матери, жертвующей сыномъ для любимаго существа.

Что касается послѣдней пѣсни, изображающей Дойчина въ связи съ турками, то мотивъ этотъ возникъ уже на новой почвѣ народнаго творчества и отразилъ на себѣ вліяніе гайдуческаго направленія.

При значительномъ разнообразіи эпическихъ подробностей въ пѣсняхъ о Дойчинѣ почти отсутствуютъ ясно выраженные исторические элементы. Слабый намекъ на исторію можно видѣть въ одной Миладиновской пѣснѣ (№ 156):

Собрались на солунскихъ семи башняхъ три бана, три краля: Дойчинъ юнакъ, „сиракъ“ (сирота) Янко и изъ Прилина Кралевичъ Марко; йдуть они, пьютъ, веселятся и по очереди градъ охраняютъ. Дошла очередь до Дойчина. Взялъ онъ золотую трубу, смотритъ вверхъ и внизъ, по путямъ—по дорогамъ, озираетъ и поля, и море. Вотъ показался издали красивый корабль; сидитъ на кораблѣ турецкій „челебіа“ (баринъ); не направилъ онъ судна къ перевозу, къ таможнѣ, остановился прямо „на Беш-чинаръ“ (площадь у пяти платановъ—Болг. слов. Дюверну); остановился, раскинулъ шатерь. Какъ замѣтилъ это Дойчинъ

юнакъ, быстро вскочилъ на борзаго коня и отправился къ турку; издали онъ турка спрашивалъ: „эй турецкій челебіа“, эй ты турокъ нехристъ! Что не идешь ты къ перевозу-таможнѣ, что не платишь тяжкой подати?.. „Не пришелъ я подати платить, а пришелъ отъ Султана—царя владѣть вашимъ городомъ Солунемъ“—отвѣчалъ турокъ. Схватилъ тутъ Дойчинъ будоганъ и метнулъ въ злого турчина; но измѣнила ему рука, промахъ сдѣлалъ Дойчинъ. Сталъ звать турокъ своихъ, чтобъ Дойчина поймали. Повернулся юнакъ, горько заплакалъ и ушелъ къ семи куламъ. Здѣсь онъ говорилъ дружинѣ: „Что сидите, чего смотрите? Пришелъ турокъ—челебіа, члебіа, поганая вѣра. Что памъ дѣлать, предпринять, чтобы спасти городъ Солунь?“

Итакъ наша пѣсня говоритъ о томъ, какъ Солунь перешелъ въ турецкія руки.

Можетъ быть, ее можно разсматривать какъ отраженіе слѣдующаго лѣтописнаго извѣстія:

Въ лѣто 1430 прими царь Муратъ Солунь. (Споменик Српске Академије III, 133, 140, 146, 149, 152).

Въ тоже лѣто (1430) царь Муратъ прими Солунь по силѣ и бысть многу пролѣтію крови, въ недѣлю цветную (Спом. III, 133).

Момчилъ.

I.

Имя Момчила и событіе о которомъ поетъ пѣсня, принадлежать исторіи:

Сербскія краткія лѣтописи вспоминаютъ о Момчилѣ только нѣсколькими словами: „въ лѣто 1362 (правильнѣе 1345) сгуби царь Отманъ храбраго Момчила и пріими Периторъ (Спом. III, 139, 151) или: „Въ лѣто 1361 погибѣ Момчило“ (ib. 132, 154) и т. п.

Болѣе подробныя свѣдѣнія объ интересующемъ настѣ герой находимъ у византійскихъ историковъ, современниковъ Момчила: у Іоанна Кантакузена и Никифора Грегоры. Изъ нихъ первый былъ довольно продолжительное время въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Момчиломъ (1343—1345) и въ своей „Історії“ удѣлилъ нѣсколько страницъ этому герою. Свѣдѣнія Кантакузена, добытыя приличныхъ столкновеніяхъ съ Момчиломъ, имѣютъ для настѣ большое значеніе. При этомъ однако не слѣдуетъ забывать, что Кантакузенъ не всегда бываетъ безпредвзятнымъ историкомъ и что сообщеніями его слѣдуетъ пользоваться довольно осторожно. Другой хроникеръ своего времени—Никифоръ Грегоръ, въ своей „Ромахѣ історії“ сохранилъ тоже нѣсколько данныхъ о Момчилѣ, быть можетъ то, что о немъ говорили въ обществѣ; можетъ быть, даже, что онъ почерпнулъ свои свѣдѣнія о Момчилѣ изъ рассказовъ того-же Кантакузена. Вотъ что знаютъ эти Византійцы о Момчилѣ:

Момчило былъ родомъ болгаринъ и происходилъ отъ неизвѣстныхъ

родителей¹⁾). Съ раннихъ лѣтъ онъ сталъ вести исполненную приключений жизнь гайдука: набравъ дружину изъ сверстниковъ, онъ былъ опасенъ населенію, такъ какъ, прибѣгая къ хитростямъ и засадамъ, часто приносилъ съ собою гибель туда, гдѣ его никто не ожидалъ²⁾. Достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, Момчило на время измѣнилъ образъ жизни „ἐεὶς τὸ ἀνθρωπικότερον ἐκ τοῦ θυριόδους ἐκείνου τὸν βίον ἀλλάξασθαι ἔγνωκεν—говорить Грегора³⁾, видя въ Момчиловомъ поступкѣ нравственныхъ побужденія. Точное сообщаетъ объ этой перемѣнѣ Кантакузенъ, приписывалъ ее враждебнымъ отношеніямъ соотечественниковъ, которые заставили Момчила удалиться изъ Болгаріи: διὰ δὲ ληστεῖας καὶ ἀρπαχῆς ἐκεῖθεν ἐλαθεῖς⁴⁾). Какъ бы то ни было, мы видимъ Момчила нѣкоторое время при дворѣ византійскаго императора Андроника, который зачислилъ его въ свое войско⁵⁾.

Скоро привычка взяла верхъ и Момчило вернулся къ прежнему: бросивъ службу, онъ набралъ по частямъ значительную дружину и, поселившись съ ней на границахъ византійскихъ и болгарскихъ владѣній, выказывалъ чудеса храбрости, то неожиданно вторгаясь въ предѣлы болгаръ, то нападая на владѣнія грековъ⁶⁾. Особенно доставалось отъ него Болгаріи, которую онъ зналъ вдоль и поперекъ⁷⁾ и могъ здѣсь оперировать весьма свободно. Неоднократно пограничная стража пыталась прекратить набѣги Момчила, действуя на него убѣжденіемъ и угрозами; Момчило на время успокоившись, но скоро опять возвращался къ прежнему. Совмѣстныя преслѣдованія болгаръ и гре-

¹⁾ Ἡν γὰρ δὴ Μομčίλος οὗτος τὸ γένος μὲν Μυσός (Cant. Bon. III, с. 66, р. 402), διφοής τις γενόμενος ἐκ ἀφανῶν γονέων (N. Gr. Bon. XIV, с. 4, р. 703).

²⁾ Ληστρικὸν ἐν μειράκιον καθ ἑταρείαν ἡλικιώτιδα βίον ἄγειν προσέγραψατ, ἀνεδρα τε δὴ καὶ λόχους κατασκευαζόμενος αἰφνιδίον ἐπέφερε τοῖς παριοῦσι τὸν ὀλεθρὸν (N. Gr. XIV, с. 4, р. 703).

³⁾ Рѣшилъ измѣнить прежнюю дикую, животную жизнь на болѣе человѣческую (N. Gr. XIV, 4, р. 703).

⁴⁾ М. былъ принужденъ удалиться оттуда (изъ Болгаріи) изъ за разбоевъ и грабежей (Cant. III, с. 68, р. 403).

⁵⁾ Πρὸς Ρωμαίους ἐγένετο καὶ ὑπὸ βασιλέως Ἀνδρονίκου τοῖς στρατιώταις κατελέχθη (Cant. с. 68, р. 403).

⁶⁾ Ἐπειτὸν χρόνου ῥέοντος τὴν δουλείαντε ἀπείπατο ταῦτην καὶ ἐεὶ τὰ πρότερα τῆς ληστείας ἐπαλινδρόμησε ἦθη, καὶ πολλὴν ἤρεμα καὶ κατὰ μικρὸν προσεταιρισάμενος χεῖρα ἐμπρακτὸν ἐδείκνυ τὸ τῆς ψυχῆς ὅραστήριον, νῦν μὲν ταῖς ἀκραις τῶν Μυσῶν ἐμπίπτων . . . νῦν δὲ τὰς τῶν Βυζαντίων ληζόμενος χώρας (N. Gr. XIV, с. 4, р. 703—704).

⁷⁾ Διὰ τὸ μᾶλιστα ἐμπειρὸν τῶν τόπων εἶναι (Cant. III, с. 60 р. 703).

ковъ заставили наконецъ Момчила удалиться изъ занимаемой имъ территории въ Сербію, гдѣ онъ прожилъ довольно долго ¹⁾).

Между тѣмъ Византія къ этому времени сдѣлалась театромъ весьма бурныхъ событій, которыхъ не могли не обратить на себя вниманія предпріимчиваго и смѣлаго авантюриста. Момчило, дѣйствительно, сталъ принимать въ этихъ событіяхъ очень дѣятельное участіе, тѣмъ болѣе, что тогда онъ представлялъ уже силу, съ которой не могли не считаться враждовавшія въ имперіи партіи.

Въ 1341 году скончался византійскій императоръ Андроникъ III Младшій, оставилъ послѣ себя малолѣтняго сына Иоанна. Умирая императоръ не успѣлъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно опеки надъ сыномъ, и эта опека дала поводъ къ довольно продолжительной междоусобной войнѣ. При жизни Андроника всѣми дѣлами государства завѣдывалъ, почти единолично, Кантакузенъ. Этотъ ловкій, находчивый и къ тому же весьма богатый человѣкъ пользовался огромнымъ вліяніемъ на императора, который однажды, во время своей болѣзни, назначилъ его единственнымъ опекуномъ, имѣвшему еще родиться (отъ Аны) ребенку. Но Андроникъ на этотъ разъ выздоровѣлъ и прожилъ еще лѣтъ тринацдцать. За то теперь, послѣ смерти императора, Кантакузенъ захватилъ власть и регентуру въ свои руки, не желая ни съ кѣмъ дѣлиться. Такое поведеніе вызвало при дворѣ оппозицію, во главѣ которой стояла сама императрица и некто Апокавкъ, человѣкъ чрезвычайно честолюбивый, хитрый и, повидимому, не особенно высокой нравственности. Стороны готовились къ открытой борьбѣ и, когда дѣло дошло до окончательного разрыва съ византійскимъ дворомъ, Кантакузенъ былъ готовъ и торжественно возложилъ на себя въ Димотикѣ императорскія одежды. Въ имперіи стало какъ бы два императора; началась продолжительная междоусобная война, въ которой живое участіе принималъ интересующій насъ герой, извлекая изъ нея выгоды и для себя и для своей дружини ²⁾).

¹⁾ Παρηγείτο μὲν πολλὰ ὑπὸ τῶν τὰ μεθόρια τῆς Μυσῶν καὶ Ρωμαίων ἡγεμονίας ἀρχόντων, μὴ τοιαῦτα κακουργεῖν, σπονδῶν οὔσων, καὶ πόλεμον κινεῖν. Οὐ δὲ οὐ πανυ πείθεσθαι ἢ δύνατο ἀλλὰ ἐπὶ τινὰ χρόνον ἡσυχάζων, τοῖς ὄμοιοις πάλιν ἐπεχείρει. Μέλλων δὲ ἥδη τῆς κακουργίας διδόναι: δίκος, ἐπεὶ Μυσοῖς ἀπηγγέλθητο διὰ τὰς ληστεῖας, καὶ Ρωμαίοις οὐκ ἐθάρρει: βουλομένοις συλλαμβάνειν ἀπεγγόρεις ἐς Τριβαλούς, καὶ διέτριψε ἐκεὶ χρόνον τινὰ συγχόν (Cant. III, с. 66, р. 403).

²⁾ См. Т. Флоринскій „Южные Славяне и Византія во 2-ой четверти XIV в., ви., I, гл. V.

Мы оставили Момчила въ Сербіи. Съ теченіемъ времени къ нему стала стекаться своевольная молодежь изъ сербовъ и болгаръ; скоро у него сформировалась двухтысячная дружина, готовая положить голову за своего предводителя¹⁾.

При извѣстіи объ успѣхахъ Кантакузена въ Родопіи (въ Македоніи), Момчило отпалъ отъ сербовъ и предложилъ свои услуги искастелю византійскаго престола²⁾, сохранивъ при этомъ полную независимость. Онъ долженъ былъ, между прочимъ, не измѣняя своего обыкновенного образа дѣйствій, неожиданно нападать на враговъ императора и добычею отъ этихъ нападеній содержать и себя и свою дружину³⁾. Между тѣмъ къ Кантакузену явились послы отъ двухъ передавшихся ему укрѣпленій (*Ἄγια εἰρήνη* и *Πόβισδος*) и не только отъ лица жителей этихъ городовъ, но и отъ многихъ другихъ кочевниковъ (*υμάδες*), населявшихъ эту страну, просили назначить себѣ какого нибудь „начальника“. Послѣ некотораго размышенія, Кантакузенъ нашелъ, что Момчило какъ нельзя лучше можетъ выполнить эту задачу: мѣстное населеніе расположено къ нему какъ къ соотечественнику, съ другой стороны, въ храбости и предпримчивости Момчила не могло быть никакихъ сомнѣній. Придя къ такому заключенію, Кантакузенъ оставилъ Момчила намѣстникомъ Меропіи, а самъ удалился въ Демотику⁴⁾.

¹⁾ Ἐπεὶ γὲ μὲν τοῦ χρόνου χοροῦντος δοσι τῶν πενήτων αἱμοχαρεῖς καὶ αὐθάδεις ὄντες ἐτόγχανον... αὐτῷ προστρέψαν ἔκ τε Τριβαλῶν καὶ Μυσῶν... ὡς ἐπέκεινά που τῶν δυσχίλιων ἐπιλέκτων ἐπέπειν εἶναι, οἱ θυμοῦ πνέοντες πάντες ἀρέτοις τὴν σφῶν αὐτῶν μᾶλλον ψυχὴν ἢ τοῦτον καταπρέσθαι διασχυρίζοντο (N. Greg. XIV, c. 4, p. 704).

²⁾ Κράλη ἀποστὰς, προσεχώρησε τότε βασιλεῖ (Cant. III, c. 66, p. 403).

³⁾ Μομчило . . . σύμμαχος ὑπόσπονδος καὶ δούλος ἐθελοντῆς εἰλετο λέγεσθαι τε καὶ εἶναι Καντακουζηνοῦ τοῦ βασιλέως πλὴν οὐ ὥστε καὶ συνεῖναι καὶ δημορεύεσθαι βούλοιτο ἐπεσθαι· ἀλλ' αὐτονομιά χρώμενος κρύψα κατὰ τὴν συμφυᾶ συνήθειαν τοῖς ἐκείνου προσβάλλειν ἐχθροῖς, ἐπὶ κέρδεσι ἕαυτοῦ τὲ καὶ δοσι γέ ξὺν αὐτῷ μισθοῦ ληστρικοῦ στρατεύεσθαι εἰλετο (N. Gr. XIV, c. 4, p. 704).

⁴⁾ . . . τὰ ἐν τῇ Μερόπῃ φρούρια προσεχώρησαν, ἢ τε Ἀγία εἰρήνη προσάγορευμενον καὶ δι Πόβισδος. Καὶ ἐλθόντες πρὸς βασιλέα ἡγεμόνα ἐδέοντο αὐτοῖς παρασχεθῆναι σὸν τούτοις δὲ καὶ ἔτερα τὸ αὐτὸ οἰκοῦντες δρος ἐν κώμαις ἀτειχίστοις . . . σκεπτομένῳ δὲ περὶ αὐτῶν, πρὸς δὲ χρήσαιτο καὶ τινὰ ἐπιστήσαιτο ἄρχοντα αὐτοῖς, ἐδόκει δειν τῷ Μομιτζίλῳ τὴν ἀρχὴν αὐτῶν παρέχειν, οὐ μόνον διὰ τὸ διάφολον νομίσας διακεῖσθαι αὐτῷ εὐνοϊκῶς τοὺς νομάδας ἐκείνους, ἀλλ' δὲ καὶ εὑψωχίας καὶ τολμῆς πρὸς τὰς μάχας οὐδὲν ἐνέλιπε καὶ πρὸς ληστεῖας καὶ ἀρπαγὰς ἄριστα ἔξεσχετο (Cant. III, c. 66, p. 402).

Сдѣлавшись независимымъ правителемъ Меропії, Момчило скоро усилился до того, что его дружина состояла приблизительно изъ 5000 хорошо вооруженныхъ воиновъ. Подстrekнуть такого сына свободы къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Кантакузена было весьма важно Апокавку, и это ему удалось. Свою враждебность къ Кантакузену Момчило обнаружилъ тѣмъ, что сжегъ нѣсколько кораблей, принадлежавшихъ союзникамъ Кантакузена, туркамъ.

Узнавши, что Кантакузенъ съ войскомъ находится въ Демотикѣ, Момчило двинулся къ Абдерѣ, гдѣ стояло 15 турецкихъ кораблей съ экипажемъ, состоявшимъ только изъ 250 человѣкъ, такъ какъ остальные турки находились при царѣ. Эти корабли были присланы другомъ Кантакузена, эмиромъ сельджукскимъ, Омуромъ, въ качествѣ поддержки искателю престола. У Абдеры Момчило сжегъ три турецкихъ корабля и, хотя въ этомъ дѣлѣ не пало ни одного турка, тѣмъ не менѣе въ войскѣ Кантакузена распространился слухъ, будто Момчило сжегъ весь флотъ и истребилъ всю его охрану. Турки рѣшили немедленно выступить противъ Момчилы, и никакіе доводы императора не могли убѣдить ихъ отложить до времени месть обидчику, а теперь продолжать начатый походъ противъ Гераклеи. Кантакузенъ долженъ быть, наконецъ, и самъ присоединиться къ туркамъ, такъ какъ онъ боялся, что безъ него они могутъ потерпѣть пораженіе. Соединенное греко-турецкое войско вступило въ Момчиловы предѣлы. А Момчило, предвидя, что Кантакузенъ не оставитъ безъ мести напеченнаго ему оскорблениія, приготовился встрѣтить враговъ. Размѣстивъ мирныхъ жителей Меропії въ укрѣпленныхъ и вообще безопаснѣыхъ мѣстахъ, онъ собралъ свое войско, достигавшее теперь до 5000 человѣкъ, и выступилъ даже противъ непріятеля. Увидѣвъ, однако, что силы послѣдняго значительно превосходятъ его собственныхъ, онъ не сталъ подвергаться напрасно опасности, предоставилъ страну на разграбленіе и заперся въ укрѣпленномъ городѣ Периторѣ, откуда производилъ частыя и весьма дерзкія вылазки, вредя, чѣмъ только можно, непріятелю¹⁾). Въ одну изъ такихъ вылазокъ подвергалась большой опасности жизнь самого Кантакузена, который спасся благодаря только преданности одного изъ своей свиты²⁾).

¹⁾ Cant. III. c. 70., p. 428—431.

²⁾ Cant. III, c. 70, p. 428—431; N. Gr. XIV, c. 4, p. 705—706.

³⁾ Μισθούς ἔτει τῆς συμμαχίας, καὶ τῆς πρὸς τὸν πολέμιον αὐτῷ γεγενημένης μάχης (Cant. III, c. 70, p. 432).

Вскорѣ послѣ этого Момчило получилъ изъ Византіи деспотское достоинство; самъ Кантакузенъ наградилъ его почетнымъ титуломъ севастократора, хотя и разсказываетъ въ своей исторіи, что достижение такихъ почестей сопровождалось хитрыми поисками Момчила. По его словамъ, послѣ описанныхъ событий, Момчило послалъ въ Византію двухъ плѣнныхъ, требуя отъ Анны награды за измѣну противъ Кантакузена, за союзъ съ нею и за битву, которую онъ выдержалъ съ царемъ. Анна прислала ему деспотское достоинство (*δεσπότην ἀπεδείχνυ*). Въ тоже время Момчило будто пытался помириться и съ царемъ: онъ посыпалъ къ нему просить прощенія, раскаивался въ томъ, что такъ дурно отплатилъ своему благодѣтелю за оказанное добро, и обѣщалъ на будущее время полную преданность¹⁾). Кантакузентъ, видѣлъ, что съ Момчиломъ ему въ настоящее время не справиться, и, не желая раздражать его, помирился, ожидая удобнаго случая покончить съ беспокойнымъ врагомъ. Чтобы не оказаться ниже своихъ византійскихъ противниковъ, онъ надѣлилъ Момчила севастократорскимъ титуломъ (*τὴν σεβαστοκράτορος αὐτὸς παρείχετο ἀξίαν*²⁾).

Это сообщеніе Кантакузена намъ кажется мало-убѣдительнымъ. Момчилу, который въ это время пользовался вполнѣ независимымъ положеніемъ, едва ли нужно было заискивать и обманывать обѣ партіи только для того, чтобы съ одной стороны получить достоинство деспота, съ другой титулъ севастократора, котораго онъ даже и не носилъ. „Самъ Кантакузентъ сообщаетъ въ другомъ мѣстѣ, что Момчило скоро пересталъ сочувствовать какой бы то ни было изъ враждующихъ сторонъ, что, утвердившись въ Меропіи и сохранивъ за собой титулъ деспота, онъ сталъ производить набѣги во всѣ стороны и причинилъ одинаковый вредъ и Кантакузену, и Аннѣ³⁾). Никифоръ Грегоря въ данномъ случаѣ болѣе беспристрастно отмѣчаетъ фактъ получения Момчиломъ деспотского достоинства: онъ говорить, что Момчило, благодаря своему могуществу, имѣлъ возможность играть если не рѣшающую, то во всякомъ случаѣ видную роль въ междоусобіи

¹⁾ Πρεσβείαν καὶ πρὸς βασιλέα πέμψας, ἐδεῖτο τυχεῖν συγγνώμης, ἀγνώμων οὗτοι φανεῖς καὶ κακῶς ἀμειψάμενος τὸν εὑεργέτην, ἐπηγγέλετο τε μηδὲν ἀγνωμονήσειν ἔτι (Cant. III, с. 70, p. 432).

²⁾ Cant. III, с. 70, p. 432.

³⁾ ὅμοιως ἑκατέροις ἐπολέμει: καὶ πόλεις καὶ κώμας ὑπεποιεῖτο. Cant. III, с. 70, p. 437.

грековъ; и вотъ изъ Византіи присылаютъ ему деспотское достоинство и возбуждаютъ къ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ Кантакузена¹⁾.

Въ Византіи, со смертью Апокавка (1345), оппозиція Кантакузену потеряла силу; онъ сталъ пріобрѣтать все больше и больше обоянія. Города Фракіи передавались ему одинъ за другимъ, большую частью добровольно, иногда же изъ страха передъ турками, соперниками Кантакузена, грабившими и опустошавшими владѣнія непокорныхъ. Теперь-то Кантакузенъ рѣшился покончить съ беспокойнымъ Момчиломъ. На помощь къ нему, въ послѣдній разъ, пришелъ Омуръ съ турками. Жестокій бой при Периторѣ окончился гибеллю болгарского героя²⁾. Это событіе отразилось и въ эпосѣ южныхъ славянъ. Историки—современники рассказываютъ о немъ слѣдующее:

Кантакузенъ сообщаетъ, что Момчило къ этому времени независимо³⁾ владѣлъ многими городами въ Меропії; городъ Ксанея былъ его резиденціей. Узнавши, что противъ него собирается походъ, Момчило пытался еще разъ обмануть императора притворной покорностью: онъ просилъ у него прощенія за прошлое и обѣщалъ въ будущемъ быть вѣрнымъ слугою (*δουλεύσων ἀκριβῶς*). Когда попытка его ничѣмъ не окончилась, Момчило собралъ вокругъ себя всю дружину и выступилъ съ нею, твердо рѣшившись сразиться съ врагами, значительно превосходившими его численностью. „До такого безумнаго поступка довела его отчаянная храбрость!“—удивляется самъ Кантакузенъ отвагѣ своего противника⁴⁾. У города Перитора Момчило встрѣтился съ непріятелями. Онъ потребовалъ, чтобы Периторцы впустили его въ городъ, но эти послѣдніе заперли ворота и, указывая на турокъ, совѣтовали вступить съ ними въ битву, обѣщая передать городъ побѣдителю, какъ награду за храбрость. Чтобы не показать, что они совсѣмъ отпали отъ Момчила (*αὐτοῦ ἀφίστασθαι*) и чтобы не на-

1) . . . ως (Μομιτζίλον) ἀποχρῆναι λοιπὸν καὶ πρὸς ἀντίπαλον ἥδη καθίστασθαι μοῖραν, φᾶν βούλοιτο μέρει τῆς ἐμφυλίου Ρωμαίων μάχης σύμβολα τῆς δεσποτικῆς ἀξίας οἱ Βυζάντιοι πέμπουσιν αὐτῷ καὶ λάθρᾳ κατὰ τοῦ βασιλέως ὅπλιζουσι Καντακουζενοῦ. N. Gr. XIV, с. 4, p. 704.

2) Ιδίαν ἡ γεμονίαν αὐτῷ περιποιοῦμενος. Cant. III, с. 86, p. 530.

3) См. Т. Флоринский, Южные Славяне и Византія, в. 1-ой, 58—75.

4) εἰς τοσαύτην γὰρ αὐτὸν παραπληξίαν ἡ ἀνοικα ἔξεγαγε καὶ ἡ θρασύτης. Cant. III, с. 86, p. 531.

влечь на себя его мести, если онъ случайно выйдетъ побѣдителемъ, они приняли въ городъ Райка, племянника Момчила, съ пятьюдесятью воинами.

Момчило, между тѣмъ, устремилсѧ къ укрѣпленію, лежавшему вблизи города, разсчитывая, овѣдѣвъ имъ, легко выдержать напискъ враговъ. Но турки предупредили его: отбивъ Момчила, они разрушили укрѣпленіе и разсѣялись по окрестностямъ для грабежа.

Видя, что Момчило, правильно отступая, далъ Туркамъ только дорогу, но еще не уничтоженъ ими, Кантакузенъ сталъ приготовляться къ рѣшительной битвѣ: раздѣливъ войско на три части, онъ вручилъ начальство надъ правымъ турецкимъ крыломъ—Омуру, надъ лѣвымъ—Ioannu Acану, брату своей жены, Ирины; команду надъ центромъ онъ оставилъ за собой. Момчило, расположившись въ подобномъ же порядкѣ, устремилсѧ на враговъ¹⁾). Загорѣлась жаркая битва и Момчило, съ большимъ урономъ, долженъ былъ отступить къ стѣнамъ Перитора. Такъ какъ конница его не могла развернуться на узкомъ пространствѣ, а Периторцы не обнаруживали желанія принять его, то воины Момчила и самъ онъ спѣшились и такъ продолжали сраженіе. Они бились отчаянно и долго сопротивлялись, благодаря безумной храбрости и тому, что стѣны города мѣшиали врагамъ окружить ихъ²⁾). Много удальцовъ пало, но, пока живъ былъ Момчило, никто и не думалъ сдаваться, съ гибелю же своею любимаго вождя, оставшися сложили оружіе. Они были частью перебиты, частью обращены въ рабство, и никому не удалось спастись бѣгствомъ. А Периторцы все время не принимали никакого участія въ битвѣ; со стѣнъ города

¹⁾ Βασιλεὺς . . . συνέταττε τὴν στρατιὰν . . . ἐπὶ τάγμασι τρίσιν, καὶ τὸ μὲν δεξιὸν κέρας Ἀμούρ εἶχε μετὰ τῶν Περσῶν . . . τὸ δὲ ἀριστερὸν Ἀσάνης εἶχεν Ἰωάννης, ὁ τῆς βασιλεῖδος Εἰρήνης ἀδελφός, . . . τὸ μέσον δὲ αὐτὸς ἐπείχεν ὁ βασιλεὺς . . . Μομιτζίλος δὲ καὶ αὐτὸς ὄμοιος ἀντιτεταγμένος ἦε: πρὸς τὴν μάχην. Cant. III, c. 86, p. 532—533.

²⁾ Ἐπεὶ δὲ οἱσαν εἰς τὰς χεῖρας, μάχῃ μὲν ἀνήπτετο σφρόρά καὶ ἀντέσχον τὰ στρατόπεδα ἐπιπολὺ ἀλλήλοις. "Ομως ἡττᾶτο τὸ Μομιτζίλου καὶ ἐπιπτον πολλοὶ αὐτῶν. Ὁθουμένων δὲ πρὸς τὰ τείχη τῆς πόλεως, ἐπεὶ διέξοδος καὶ ἀντεπεξαγωγὴ οὐκ ἦν τοῖς ἵπποις, ὀλίγου τοῦ χρόνου ὑπολειμμάνου μεταξὺ τῶν πολεμίων καὶ τῶν τειχῶν, οὔτε ἐν Περιθεωρίῳ ἤσαν οὐ προσδόκιμοι εἰδέξεσθαι, πρῶτος αὐτὸς ἀπέβανε τοῦ ἵππου, εἴτα καὶ οἱ ἄλλοι ἀπαντες καὶ προείντο τοῖς πολεμίοις. Οἱ δὲ μάχοντο πεζοὶ ἀγωνιζόμενοι εὐθύμως καὶ ἀντεῖχον ἐπιπλεῖστον, τοῦτο μὲν διὰ τὴν εὐφυσίαν, τοῦτο δὲ, ὅτι καὶ ἡ πόλις αὐτοὺς ἐκώλυε μὴ κυριωθῆναι, καὶ ἐπιπτον πολλοὶ μαχόμενοι. Cant. III, c. 86, p. 533.

они съ любопытствомъ слѣдили за ходомъ сраженія и сдались побѣдителю Кантакузену ¹⁾.

Принявъ Периторъ, Кантакузенъ направился въ Ксаноію, резиденцію Момчила, жители которой, узнавъ о случившемся, добровольно сдались императору. Онъ былъ въ высшей степени великодушенъ къ женѣ Момчила, запретилъ грабить ея имущество и позволилъ ей, если не пожелаетъ остаться среди грековъ, переселиться въ Болгарію, откуда она была родомъ, чтò и предпочла сдѣлать Момчилица ²⁾.

Нѣсколько иначе разсказываетъ объ этомъ Никифоръ Грегора. Онъ не знаетъ ничего о попыткѣ Момчила притворнымъ раскаяніемъ отвлечь Кантакузена отъ похода. Напротивъ, онъ говоритъ, что Момчило въ это время былъ настолько силенъ, что ничуть не боялся грозившей ему опасности ³⁾.

Момчило, говоритъ Грегора, былъ готовъ къ войнѣ. Онъ владѣлъ въ то время и Ксаноіей и Периторомъ съ ихъ окрестностями, и многими другими укрѣпленными мѣстами. Войско его состояло болѣе, чѣмъ изъ четырехъ тысячъ человѣкъ ⁴⁾. Когда Кантакузенъ подступилъ къ Перитору, то Момчило вышелъ противъ него со своею большою дружиной, ослѣпленный еще болѣею отвагой. Свой Периторъ онъ считалъ сильнымъ пунктомъ, куда можно скрыться въ случаѣ необходимости ⁵⁾. Въ битву онъ шелъ, не предполагая ни малѣйшей опасности, и былъ до начала сраженія такъ увѣренъ въ побѣдѣ

¹⁾ Μέχρι μὲν οὖν ἐκείνος περιῆγη, οὐδὲ αὐτοὶ ὑφίσσαν τῆς τόλμης, οὐδὲ ὅπλα παρεδίδουν. Ἐπεὶ δὲ ἔπιπτε καὶ αὐτὸς κατὰ τὴν μάχην, οἱ περιλειπόμενοι εὐθὺς παρέδοσαν τὰ ὅπλα, καὶ ἡνδραποδίσθησαν ὑπὸ Τρωμαίων καὶ Περσῶν, διαδρᾶντας δυνηθέντος μηδενός . . . Οἱ δὲ ἐν Περιθεωρίῳ, ἀστῶντες ἐπὶ τῶν τειχῶν, οὐτ' ἡμάντοντο ὑπὲρ τοῦ Μομιτζῆλου, οὐτ' ἐπέκειντο καὶ αὐτοὶ, ἀλλὰ μόνον θεαταὶ τῶν ἀγώνων τῶν τειχῶν ἐκάθηντο. Cant. III, c. 86, p. 533.

²⁾ Cant. III, c. 86, p. 534.

³⁾ Οὐδὲ γὰρ οὐδὲν οὔτε μικρὸν οὔτε ἀγεννές ὑπολογίζεσθαι ἦν αὐτῷ περὶ ἑαυτοῦ· ἀλλ' ὥσπερ ἐν χερσὶ τὴν νίκην ἦδη καὶ πρὸ πῆς πείρας ἔχων τῶν πολεμίων, οὕτω μακρῷ τῷ θράσει ρέων ἐς μέσους ἥλανε τοὺς πολεμίους. (N. Gr. XIV, 9, p. 727—729).

⁴⁾ Ἡν ὁ Μομιτζῆλας ἐν παραπομαῖς τοῦ πολέμου. Εἶχε γάρ τέως πόλεις ὑφ ἑαυτῷ Ξάνθειὰν τε καὶ Περιτόριον, καὶ δια ἐφ' ἐκάτερα καὶ μεταξὺ πολιγνάτε καὶ χωρία, καὶ στρατεύματα ἵππικὰ τεττάρων ἐπέκεινα γιλιάδων. (N. Gr. ib.) Cr. J. Cant. III, c. 86, p. 530: ἐκεῖνος δὲ ἦδη δύναμιν μεγάλην ἔχων καὶ ἴδιαν ἡγεμονίαν ἑαυτῷ περιποιῶμενος, Ξάνθειάντε εἰλεν ἐπιθέμενος, καὶ τῶν κατὰ Μερόπην φρουρίων ἤρχε πάντων, καὶ μέχρι Μόρφας προεχώρησεν.

⁵⁾ Ἡδη δέ καὶ ὁ Μομιτζῆλος, ὄρμητήριον ὄχυρὸν ἑαυτοῦ τὸ Περιθόριον καταστησάμενος, ἐξῆρε . . . (N. Gr. XIV, cr. 9, p. 728).

будто уже держалъ ее у себя въ рукахъ. При такихъ обстоятельствахъ Момчило напалъ на Кантакузена, который со своими греками стоялъ въ центрѣ и выдержалъ первый натискъ. Между тѣмъ турки, по заранѣе обдуманному плану, должны были окружить Момчилу, отнявъ у него возможность отступленія. Такъ и случилось. Прорвать цѣпь Момчулу не удалось, и онъ легъ на полѣ битвы подъ ударами непріятельскихъ копій и стрѣль. Вмѣстѣ съ нимъ погибла и вся его дружина¹⁾.

Описанныя событія происходили между 1343 и 1345 годами.

Подобно метеору появился на время въ исторіи Балканскаго полуострова величественный образъ Момчилы. Яркій слѣдъ его и до сихъ поръ живетъ въ эпосѣ южныхъ славянъ.

II.

Мы видѣли, что Момчило былъ историческимъ дѣятелемъ половины XIV вѣка, что византійскіе историки сохранили о немъ довольно обстоятельный свѣдѣнія: ни обѣ одномъ, кажется, пѣсенному герою мы не находимъ у нихъ болѣе подробныхъ извѣстій. Вмѣстѣ съ тѣмъ Момчило принадлежитъ и эпосу южныхъ славянъ, при чмъ болгаре отличаются отъ сербовъ и количествомъ и разнообразiemъ относящихся къ этому герою пѣсенныхъ мотивовъ и варьантовъ. Это становится понятнымъ, если принять во вниманіе, что Болгарія была родиной и театромъ дѣйствій Момчилы, что, слѣдовательно, здѣсь должны были и возникнуть пѣсни о немъ. Но и сербы знаютъ Момчилу и пѣсни ихъ, отличаясь типичною красотой и изяществомъ, заслуживаетъ вниманія и потому, что въ значительной степени сохранила намеки на историческія подробности.

Гибель Момчилы составляетъ главный мотивъ пѣсень даннаго цикла; изъ этого мотива развились впослѣдствія нѣкоторые другіе, связанные съ предыдущимъ измѣненою жены, которой приписывается смерть нашего героя. По пѣсенному преданію Момчило былъ

¹⁾ N. Gr. XIV, с. 9. p. 727—729.

сильнымъ юнакомъ; силой своей онъ былъ обязанъ главнымъ образомъ крылатому коню и поддержкѣ семьи. Въ равномъ бою никто не могъ одолѣть Момчила и онъ погибъ, будучи преданъ—женой. Врагъ обѣщаніями и притворной любовью достигъ того, что Момчилиса не только направила своего мужа на мѣсто засады, но даже отняла у него средства сопротивляться, сожгла крылья у боеваго коня, испортила оружіе или убѣдила оставить его дома, уничтожила даже возможность спастись бѣгствомъ, такъ какъ затворила ворота, а преданную сестру, чтобы не могла помочь брату, обманомъ привязала за волосы къ столбу. Не подозрѣвая измѣны, Момчило вышелъ на охоту и встрѣтилъ непріятеля. Сопротивленіе, оказывается, устранило и Момчило обращается въ бѣгство. Достигнувъ стѣнъ своего двора и замѣтивъ, что ворота заперты, Момчило зоветъ сестру; рванулась сестра изъ жалости къ брату, съ корнемъ вырвала свою косу, схватила кусокъ полотна и перебросила черезъ стѣну. Сталь Момчило взбираться по полотну, но скоро подоспѣла измѣнница и перерѣзала его. Момчило упалъ внизъ и былъ убитъ врагами; Момчилиса вслѣдъ за тѣмъ, отворивъ ворота, съ почестями встрѣтила побѣдителя и поднесла ему Момчиловы доспѣхи. Тутъ только убийца замѣтилъ, какого славнаго юнака лишилась земля: въ Момчилову шапку спряталась вся его голова до самыхъ плечъ, въ одинъ салогъ Момчила помѣстились обѣ ноги его противника, въ кольцо—три цѣлыхъ пальца и т. п. Пораженный такой воиніющей измѣной, врагъ убилъ Момчилису и взялъ за себя сестру убитаго имъ героя.

Количество варъянтовъ, посвященныхъ этому мотиву, довольно значительно. Определяя сравнительную древность того или другого, мы должны значение ихъ измѣрять сохранившимися въ нихъ историческими подробностями, при этомъ мѣркой слѣдуетъ считать тѣ данные, которые известны намъ изъ повѣстованій Грекоры и Кантакузена. Съ этой точки зрѣнія Халанскій въ своемъ новомъ изслѣдованіи по юго-славянскому эпосу („Юго-Славянскія сказанія о Маркѣ Королевичѣ”—Р. Ф. В. 1892, I) говоритъ объ одномъ изъ Миладиновскихъ варъянтовъ слѣдующее:

„Въ болгарскомъ Миладиновскомъ варъянтѣ пѣсни о смерти Момчила сохраняется, очевидно, наибольшее количество чертъ и наименований, согласныхъ съ данными историческими, почему его и можно считать исторической пѣсней, конечно, отклонившейся отъ древней

пѣсни о смерти Момчила, по все таки болѣе вѣрно отражающей дѣйствительныя событія, чѣмъ всѣ прочіе варъянты, въ томъ числѣ и великолѣпная сербская пѣсня сборника Караджича.“

Содержаніе этой пѣсни таково (передаемъ въ изложеніи Халанскаго):

„Молодая Момчилица, побуждаемая ревностью, извѣщаетъ царя Константина о томъ, что ея мужъ любить его сестру,ѣздить къ ней въ Стамболъ, и даетъ совѣтъ, какъ можно погубить Момчилу.

Чуди мене, цару Костадине,
Со юнапшество Момчула хващасть,
Кога одитъ Манастира града
Обичаять безъ оружіе одить;
Малу нещо ти си пособери,
И одбери три хиляда мина;
Да ти станишъ рано во сѫбота,
Да си стигнишъ бѣрго во недѣля,
Ке си бидить во цѣркви на закона.

Царь Константинъ воспользовался указаніями Момчилицы и, когда Момчулъ возвращался изъ Монастыря (=Битоль въ Македоніи), напалъ на него съ войскомъ. Вѣрный конь совѣтуетъ Момчилу съ Божьей помощью пробиться черезъ войско:

Ако нещо пусать си немаме
Како Господъ нась ке поможитъ.

Вихремъ понесся конь Момчула и герой, прорвавъ вражескую цѣпь, скоро былъ у своихъ каменныхъ дворовъ. Ворота оказались запертыми. Далѣе слѣдуютъ извѣстныя подробности о попыткѣ сестры Момчила помочь ему подняться на полотнѣ, о смерти Момчилы, наказаніе жены и взятіе сестры въ царскій дворецъ“¹⁾.

¹⁾ Считаемъ не лишнимъ указать похожій (съ именемъ Секулы) варъянтъ изъ сборника Шапкарева (№ 350): „Старій Секула, Секулица и седумъ Кральови или Секулови смирѣть чрезъ Секуличино коварство,—смирѣть нейзина.“ Вотъ вкратцѣ его содержаніе:

Днемъ сидить старый Секула дома и куетъ своего славнаго коня; а ночью, сначала ложится подай молодой Секулици, но лишь только заспеть она, Секула подымается и идетъ къ своему войску. Такое поведеніе удивляетъ молодую жену и она требуетъ у старика объясненій. Секула, шутя, отвѣчаетъ, что онъ бываетъ въ семи городахъ, любить семь

Объ историческихъ элементахъ въ Миладиновскомъ варъянтѣ Халанскій говоритъ слѣдующее: „Болгарская пѣсня варъянта Миладиновыхъ говоритъ, что враги напали на Момчила въ то время, какъ онъ ходилъ изъ своего дома въ Битоль—Монастиръ—градъ: Кантакузенъ сообщаетъ, что во время катастрофы Момчилъ находился въ Периторіи, а жена его пребывала въ Ксаної, гдѣ былъ и домъ Момчила. Согласно съ дѣйствительностью пѣсни говоритъ, что Момчиль былъ окруженнъ врагами.“ При этомъ авторъ пользуется свидѣтельствомъ Грекоры. Слѣдуетъ однако замѣтить, что Кантакузенъ, виновникъ воспѣваемаго событія, описывая подробности битвы, разсказываетъ, что Момчило сопротивлялся чрезвычайно долго: „τοῦτο μὲν διὰ τὴν εὐφυχίαν, τοῦτο δὲ ὅτι καὶ ἡ πόλις αὐτοῖς ἐκφρεστὴ κοκλωθῆναι“ (отчасти благодаря своей храбрости, отчасти благодаря тому, что городъ препятствовалъ врагамъ окружить Момчила).

Обратимся теперь къ сербскому варъянту Вука (II, 25), который, по нашему мнѣнію, сохранилъ больше другихъ историческую основу. Письмо пишетъ Жура Вукашинъ въ бѣломъ Скадрѣ на Боянѣ и шлетъ его въ Герцеговину въ Пирлиторъ, (здѣсь Вукъ замѣчаетъ, что одни поютъ Пирлиторъ, другіе—Пириторъ), въ Пирлиторъ противъ Дурмитора. Тайно пишетъ, тайно посылаетъ Видосавѣ, Момчиловой подругѣ. „Видосава, пишетъ онъ, чего ты еще ждешь отъ этихъ снѣговъ и вѣчнаго льда? Посмотришь съ града вверхъ—ничего не увидишь кромѣ бѣлой горы Дурмитора, увѣнчанной снѣгомъ среди лѣта, какъ будто зимою. Поглядишь внизъ—течеть мутная, волнистая Тара; катить она деревья и камни, и нѣтъ на ней ни моста ни брода, а кру-

кралицъ, съ зарей же опять возвращается къ ней. Секулица повѣрила. Обиженнная, она посылаетъ къ семи королямъ: если хотите погубить Секулу на „денноаго Великден“, я отпущу его въ церковь, снявъ панцирь и безъ оружія; дождитесь его и убейте. На Пасху Секулица спаражала мужа въ церковь: вынула шелковую сорочку, подаетъ ему одежду. Секула обыкновенно носила панцирь, потому что семь его лютыхъ враговъ могли всегда устроить засаду; но Секулица теперь успѣла убѣдить мужа оставить окровавленный панцирь дома, чтобы причаститься съ чистою собѣстью. Убѣжденный тѣмъ же доводомъ, Секула оставилъ дома и оружіе. Когда старый Секула, причастившись, возвращался домой, на него напали 7 королей; Секула вырывается у нихъ тяжелые будоганы и ими поражаетъ врага. Но короли превосходятъ его числомъ; Секулѣ нужно свое оружіе, къ которому онъ привыкъ (будоганъ—150 окъ), чтобы справиться съ врагами. Онъ бѣжитъ домой и находить ворота запертими. Слѣдуетъ попытка сестры спасти Секулу, смерть Секулы и наказаніе Секулицы.

гомъ все боръ да скалы¹⁾). Отрави ты воеводу Момчила или мнѣ его выдай. Ступай ко мнѣ жить въ ровное приморье; возьму тебя вѣрною подругой, будешь госпожей кралицей; золотымъ веретеномъ будешь прасть шелкъ, на шелку будешь сидѣть, одѣваться—въ бархатъ и яркое золото. А въ Скадрѣ—взглянешь на гору—поросла она смоквами, и маслинами, и гроздями винограда; внизу растеть бѣлая пшеница, а кругомъ—все зеленый лугъ и зеленая Бояна; въ ней рыба всякая, какъ только захочешь—кушай свѣжую.“

Прельстилась Видосава и такъ отвѣчала Вукашину: „Не легко мнѣ отравить Момчила или предать его. У Момчила есть сестра Евросима, она готовитъ ему господское кушанье, сама прежде отвѣдывается; у Момчила—девять братьевъ и двѣнадцать племянниковъ (пробратучеда), они ему искристое вино подносятъ, сами прежде него отвѣдываютъ; Момчило

Има коња Јабучила,
Јабучила коња крилатога²⁾,

¹⁾ Не можемъ не сопоставить этой поэтической картины со слѣд. словами Гильфинга: „Очень хотѣлось мнѣ изобразиться на Пирлоторь, но мнѣ сказали, что это ужасно трудно, что надо карабкаться по гладкимъ скаламъ и что притомъ на верху ничего нѣть, кроме куска старой стѣны и груды камней. Я видѣлъ, что моимъ хозяевамъ башибузукамъ и безъ того надоѣло ждать меня съ утра, и рѣшился не раздражать ихъ. Потому, когда меня спросили, отдохнуль ли я и хочу ли ъхать, я безпрекословно сѣлъ верхомъ и отправился въ дальѣйшій путь, вспомнивъ только превосходную картину Пирлотора, начертанную народнымъ пѣвицомъ. Вѣрнѣе, живѣе, грациознѣе этой картины природы вы не встрѣтите ни въ какой народной поэзии, и я смѣло скажу, что начало пѣсни о Момчилѣ есть лучшій цвѣтокъ сербскаго эпоса. Описаніе холодной суровой природы сравнительно съ теплымъ благораствореннымъ воздухомъ окрестностей Скутарского озера, куда злодѣй хотѣлъ сманить владычицу Пирлотора, Видосаву, всегда привлекало меня своей красотой; но какъ оно поразило меня, когда я побывалъ въ этихъ мѣстахъ и видѣлъ своими глазами всю типичную вѣрность этихъ образовъ. (Гильф. Собр. Соч. III, стр. 235) . . . Передъ нами стояла громадная пѣнь Дормитора, вся покрытая снѣгомъ. Она представляетъ глазу почти равнину черту, только съ двумя нѣсколько выдающимися вершинами. Вся она состоитъ изъ скалъ; у подножія ея . . . растеть сосновый лѣсъ (ibid. 233).

²⁾ У подножія Дурмитора видна впадина, въ которой растеть сосновый лѣсъ и въ серединѣ которой находится озеро. Народъ разсказываетъ, что тутъ былъ монастырь. Когда св. Савва ходилъ и просвѣщалъ землю, онъ пришелъ и въ этотъ монастырь. Погостили тамъ, онъ хотѣлъ отправиться дальше, какъ вдругъ игуменъ остановилъ его, обвиняя, что онъ укралъ у него пѣтуха. Св. Савва отвѣчалъ, что отъ роду не краль ничего. Игуменъ схватилъ его за бисаги (кожаныя сумки, привязанныя къ турецкому сѣду) и дѣйствительно

Кудго ће, прелећети може;
У Момчила сабља са очима;
Не боји се никога до Бога.

Собери ты сильное войско и устрой Момчилу засаду въ зеленомъ лѣсу. У Момчила есть странная привычка: каждое утро въ святое воскресенье онъ охотится на „језерах“ вмѣстѣ со своими братьями и племянниками, съ сорока солдатами „од града“. Я сожгу на канунѣ крылья у Ябучила, острую саблю залью соленої кровью („сланом крвљу“) чтобы нельзя ея было вытянуть изъ ноженъ“.

Видосава исполнила свое обѣщаніе: выпытавъ у мужа время, когда у Ябучила бывають видны крылья („када први запјевају п'јевци“), она сожгла ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она испортила все оружіе Момчила.

А Момчилу снится зловѣштій сонъ:

Ће се пови један прамен магле
Пак се зави око Дурмитора.
Ја ударих кроз тај прамен магле
Са моијех девет миље браће
И с дванаест првобратучеда
И с четрдест од града левера;
У магли се, љубо растадосмо,
Растадосмо, пак се не састасмо.

Успокоенный Видосавой, что „сан је лажа, а Бог је истина“, Момчило отправился „у лов на језера“ съ цѣлой дружиной, состоявшей изъ братьевъ, племянниковъ и солдатъ:

пѣгухъ быль тамъ. Самъ игументъ, почему-то ненавидѣвшій просвѣтителя, его туда запряталъ. Видя такую злобу, св. Савва проклялъ монастырь; монастырь провалился сквозь землю, а на мѣсто его выступило озеро.— Изъ этого озера стали потомъ выходить крылатые кони и наслись на лугу. Въ ихъ табунѣ попала однажды кобыла, принадлежавшая воеводѣ Момчилу, властителю города Пирлита, и отъ нея родился у Момчила крылатый конь (Гильфердингъ, Собр. Соч: III—238, 239). По другому преданію всякий разъ послѣ случки крылатый конь ударялъ кобылицу копытами въ животъ и кобылица не давала плода. Узнавши объ этомъ, Момчило запасся бубнами, барабанами и т. п. и скрылся подъ озера. Ночью, когда конь готовъ уже былъ пустить въ ходъ копыта, Момчило ударилъ въ свои инструменты, конь испугалъся и уѣжалъ, оставивъ кобылу, которая со временемъ привела Момчилу крылатаго коня (Вукт II, 25 стр. 106—примѣч.)

Дочека га девет миље браће
И дванаест прво — братучеда
И четрдесет од града левера.

Когда они были въ лѣсу, ихъ окружило сильное войско. Потянуль Момчило саблю, но не извлекъ ее: какъ будто приросла къ ножнамъ. Схватилъ онъ саблю одного изъ братьевъ и такъ распорядился:

„Чујете ме моја браћа мила!
Ви удрите војсци по крајима,
Я ћу удригъ војсци по сриједи“.
Мили Боже, чуда великога!
Да је коме погледати било,
Како с'јече војвода Момчило,
Како крчи друма низ планину;
Више тлачи коњиц Јабучило,
Негъ што Момчилъ бритком сабљом с'јече.
Ал' га лоша срећа сусретнула:
Кад изиђе према Пирлитору
Сусрете га девет враних коња,
А на њима брата ни једнога!
То кад виђе војвода Момчило

.
Те не може више да сијече,
Већ удара коња Јабучила,
Удара га чизмом и мамузом,
Да полети граду Пирлитору,
Ал' му коњиц полећет не може;
Куне њега војвода Момчило.

.
Ал' му коњиц њиском одговара:
„Богъ убио твоју Видосаву!
„Она ми је сапалила крила;
„Што не могла ватром са горети,
„То под колан притегнула тврдо;
„Веће бјежи, куда теби драго“
Кад то зачу војвода Момчило,
Проли сузе низ јуначко лице,

Па одскочи од кења чилаша,
Три пут скочи, до града доскочи,
Али граду врата затворена,
Затворена и замандаљена!

Момчило взываетъ о помощи къ сестрѣ, которую Видосава привязала за волосы къ столбу, чтобы она не могла помочь брату. „Ал је сестра срца жалослива“, рванулась Евросима всѣмъ тѣломъ, вырвала косу, схватила кусокъ полотна и перебросила Момчилу черезъ стѣну. Момчило чуть было не взобрался на немъ въ градъ, но Видосава во время перерѣзала полотно и Момчило упалъ.

Краљеве га дочекаше слуге,
На мачеве и на копља бојна,
На наджаке и на буздоване;
А дошаде краљу Вукашине,
Удари га посред срца жива.

Умирая, Момчило завѣщалъ Вукашину взять себѣ въ жены его сестру Евросиму.

Кад погибе Момчило војвода,
А граду се отворише врата.

Видосава принимаетъ Вукашина въ градъ, устраиваетъ ему торжественную встречу и дарить Момчилово „рухо“ (одежду) и оружие. Тутъ только убѣдился Вукашинъ, какого славнаго юнака лишилась земля:

Што Момчилу било до колена,
Вукашину по земли се вуче;
Што Момчилу таман калпак био
Вукашину на рамена пада,

Въ сапогъ Момчила помѣщаются обѣ Вукашиновы ноги, въ перстень—три пальца и т. п.

Тад говори краље Вукашине:
„Авај мени, до Бога милога!
„Кад издаде оваког јунака,
„Кога данас у свијету нема,
„Толи мене сјутра излат не ће.

Измѣницу Видосаву растерзали кони, къ хвостамъ которыхъ она была привязана. Вукашинъ женился на Евросимѣ и она родила ему двухъ славныхъ юнаковъ: Марка и Андрея; изъ нихъ Марко вышелъ въ дядю:

А Марко се тури на ујака
На ујака војводу Момчила¹⁾.

¹⁾ Мы можемъ указать, кажется, на тождественный съ Вуковымъ болгарскій варьантъ. Онъ помѣщенъ въ сборникѣ С. Ив. Б. (София. 1884) подъ № 1. Такъ какъ самого сборника мы не имѣемъ, то и входить въ подробный разборъ этой пѣсни не будемъ и ограничимся сообщеніемъ содержанія ея по статьѣ Попова въ „Сборникѣ за Български народни умотворенія, наука и книжнини“ т. III. Въ статьѣ этой, подъ заглавіемъ „Български—тѣ юнашки пѣсни“ авторъ приводитъ на стр. 260—262 содержаніе болгарскаго варьанта.

Краль Вукашинъ изъ Скопля посыаетъ съ соколомъ письмо въ Пиротъ къ Момчилици, и предлагаетъ ей сдѣлаться своею женой, а Момчила юнака отравить. Момчилица отвѣчаетъ Вукашину, что она никакимъ образомъ не можетъ отравить Момчила: у Момчила есть сестра Яфросина, которая готовитъ ему кушанья, есть девять младшихъ братьевъ, двѣнадцать племянниковъ и четырнадцать слугъ, которые исполняютъ для него всякую работу. Затѣмъ Момчилица совѣтуетъ Вукашину выписать изъ Бухарешта отъ Радула бега трехъ его слугъ: Грѣшка Манола, Раду Славослава и Гюру—пьяницу, назначить имъ хорошую награду и, собравъ три тысячи войска, выступить на Разбой—планину; расположиться у Синяго Озера и ожидать тамъ Момчила: Момчило всякое воскресеніе, послѣ божественной литургіи, охотится въ тѣхъ мѣстахъ со своей челядью. Вукашинъ такъ и поступилъ. Когда наступило воскресеніе, Момчило послѣ литургіи пошелъ домой и со всѣми своими людьми стала обѣдать. Когда стали пить вино, Яфромка подала Момчилу чашу, Момчило выпилъ и задремалъ, и вотъ ему снится:

Пусна'а се до четири люти зими:
Една сось нозе си подгазиль,
Втора съ конъ дизгинъ напра'иль,
Трека сось сабля посекаль,
Четвѣрта ме за срѣце изеде,
Изеде ме и фного ме заболе.

Никто не могъ разгадать этого сна, а Момчилица толкуетъ его, что

К'идете по гора зелена,
Та ке срећните три сурни елена,
Еденъ на тебе ке побегне,
Та за него срѣце ке те заболи.

Послѣ обѣда всѣ улеглись отдыхать, а Момчилица стала распрашивать Момчила про его юнацкую силу. Не подозрѣвая измѣны, Момчило рассказалъ женѣ, что силой онъ облизанъ шестикрылому коню. Тогда Момчилица сожгла крылья у коня и на прощанье подала Момчилу „сабя прѣкращена и лека буздогана“. Когда они были на Разбой—планинѣ, Момчило снова задремалъ и опять ему приснилось, что

Сравнивая содержание этой пѣсни съ историческими данными, мы съ увѣренностью можемъ утверждать, что въ основѣ пѣсни лежитъ исторический Момчилъ, изъ жизни, котораго народное творчество выхватило самый трагический моментъ и увѣковѣчило его звучной пѣсней. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдимся, что приведенный нами Вуковъ варягъ содержитъ болѣше указаній на исторические факты, чѣмъ разобранный г. Халанскимъ варягъ Миладиновыхъ.

Въ Вуковомъ варягѣ сохранилось, правда, косвенно, указаніе на мѣсто дѣйствій исторического Момчила. Это Пириторъ, (иные поютъ Пириторъ), Перифеѳріонъ Кантакузена и Перифеѳріонъ—Грегоры. Но въ то время, какъ исторический Периторъ лежалъ у сѣверныхъ

Срешиа'а три тевни облаци,
Та се Момчиль съ дружина разгуби.

Дружина совѣтовала ему вернуться, но онъ не послушалъ. Скоро увидѣли они и Вукашина съ войскомъ и тремя юнаками. Братья Момчилы еще разъ предложили вернуться, но онъ грозно имъ отвѣтчалъ:

Богъ ви убилъ ваши женски срѣща!
Отъ това ле се сте уплашили?
Сами тубе дванаесе илиди
Одъ пладница до акшамъ.

Когда началась битва, три юнака Вукашиновы истребили всю Момчилову дружину братьевъ и племянниковъ. Разсвирѣпѣлъ Момчилъ и погубилъ трехъ юнаковъ. Тогда противъ него выступилъ самъ Вукашинъ; Момчилъ пытался бѣжать, но у коня сожгены крылья.

„И Момчиль пади жертва на измама от страна на жена си“ (Болѣе подробныхъ свѣдѣній Поповъ не сообщаетъ).

Послѣ этого Вукашинъ идетъ въ Пиротъ и здѣсь находитъ Момчилицу съ любовниками, съ которыми она веселилась. Разозлился Вукашинъ, скжегъ Момчилицу, самъ жеился на Яфросинѣ, Момчиловой сестрѣ, увелъ ее съ собою въ Прилѣпъ.

Та се водиа триста годин
Та си родиа до три деца:
Първо дете кралю Адрашина,
Второ дете--млада Ангелина,
Трекю дете Марко Кралевики.

Пѣсня эта во многомъ сходится съ Вуковымъ варягомъ; въ ней не достаетъ только исторіи съ запертыми воротами, которая въ пѣсняхъ о Момчилѣ должна, по нашему мнѣнію, играть существенную роль, и эпизода съ сестрой. Во всякомъ случаѣ пѣсня эта должна быть поставлена среди болгарскихъ пѣсень о Момчилѣ на первое мѣсто и стать рядомъ съ Вуковымъ варягомъ по количеству сохранившихъ ею историческихъ вѣрныхъ подробностей.

береговъ Эгейского моря, пѣсенный расположень въ Герцеговинѣ, на склонахъ горной цѣни Дурмитора. Сюда могла быть перенесена пѣсня о Момчилѣ, локализовалась здѣсь и привилась къ здѣшнему Пиритору, сперва по созвучію именъ, а затѣмъ срослась съ нимъ въ одно органически цѣлое. Историческій Периторъ (Анастасіополь) сталъ въ пѣснѣ серба—сербскимъ, герцеговинскимъ Пир(л)иторомъ, градомъ хорошо ему извѣстнымъ, развалины котораго и доселѣ поддерживаютъ въ народѣ память о славномъ Момчилѣ. Величественная природа подала поводъ сербскому пѣвцу нарисовать цѣлую изящную, граціозную и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма правдивую картину Пиритора, „према Дурмитора.“

Предполагая, что историческій Периторъ былъ перенесенъ въ герцеговинскій народный эпосомъ *по созвучию именъ*, мы тѣмъ самымъ утверждаемъ, что *въ древнійшее преданіе, или пѣснь*, легшую въ основу Вукова варьянта, въ ту простѣйшую пѣсню, которая дала только мотивъ сербскому пѣвцу, непремѣнно *входило упоминаніе о Периторѣ*; иначе непонятно было бы, какимъ образомъ преданіе это такъ прочно приросло къ имени Пиритора, лежащаго въ Герцеговинѣ. Поэтическую картину „Пиритора према Дурмитора“, мы считаемъ наслоеніемъ, возникшимъ на сербской почвѣ, можетъ быть уже въ самыи моментъ проникновенія пѣсенъ о Момчилѣ въ Герцеговину. Итакъ, съ нашей точки зрѣнія упоминаніе въ сербскомъ варянтѣ Пиритора—черта болѣе древняя, чѣмъ Битоль—Монастирь—градъ—Миладиновскаго варьянта, заключающій отдаленный намекъ на арену историческаго Момчила—Македонію.

Миладиновскій варянтъ причиною гибели Момчила выставляетъ чисто бытовой мотивъ, мотивъ житейскій: жена изъ ревности предаетъ мужа въ руки враговъ.

Въ *Вуковомъ варянтѣ* сохранился намекъ на политический характеръ гибели героя, который является жертвою централизационныхъ стремленій Вукашина и политической борьбы,—черта довольно близкая къ исторії.

Время Момчила въ сербской пѣснѣ опредѣлено, если не совсѣмъ то приблизительно вѣрно: онъ современникъ Вукашина. Дѣйствительно, Момчило погибъ въ 1345 (по сербскимъ лѣтописямъ даже въ 1361 г.), Вукашинъ былъ убитъ въ битвѣ на Марицѣ въ 1371 году. *Въ Миладиновскомъ—же варянтѣ Момчило отнесенъ вообще къ древней эпохѣ,*

въ частности —ко времени эпического царя Костадина.—Что касается гибели Момчила отъ Вукашиновой руки, то здѣсь г. Халанскій спра- ведливо видѣтъ наслоненіе, возникшее подъ вліяніемъ другихъ народ- ныхъ преданій объ этомъ сербскомъ узурпаторѣ, слава котораго съ каждымъ годомъ ухудшалась въ народномъ воспоминаніи.

Въ болгарскомъ Миладиновскомъ варьянѣ Момчило идетъ безъ оружія въ Монастиръ—градъ на богомолье и попадаетъ въ засаду, устроенную ему Костадиномъ.

Въ сербскомъ—Момчило отправляется на охоту съ цѣлой, хорошо вооруженной дружиной, въ которой участвуютъ его братья, племян- ники и даже гарнизонные солдаты:

Дочека га девет миle браче
И дванаест прво—братучеда
И четръест от града левера.

Которое изъ этихъ двухъ преданій ближе къ историческому—будеть ясно, если вспомнимъ свидѣтельства Византійцевъ, что Мом- чило вышелъ противъ врага съ дружиной въ 4000 храбрыхъ воиновъ. (εἰχε γὰρ . . . καὶ στρατεύματα ἵππικὰ τεττάρων ἐπέκεινα χιλιάδων . . . ἔξηει πολλαῖς τὲ πεφραγμένος ταῖς δυνάμεσι и т. д. N. Greg. XIV, с. 9, р. 728. . . . ὕσταυτες τὸ Μομίτζιον στράτευμα περὶ πεντακοσίους (τετ- ρακοσχιλίους—М.) χιλίους ὄντας (Cant. III, с. 86, р. 532).

Въ болгарскомъ варьянѣ безоружный Момчило, будучи окру- женъ врагами, ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, достигаетъ своего двора, но здѣсь лишается жизни, благодаря окончательной измѣнѣ жены.

Напротивъ того сербскій варьянѣ сохранилъ довольно подроб- ная воспоминанія о самой битвѣ между врагами: встрѣтившись съ непріятелемъ и замѣтивъ, что его оружіе не въ порядкѣ, Момчило беретъ саблю у одного изъ дружинниковъ и *устремляется первый на врага, сдѣлавъ такое распоряженіе:*

Чујете ме, моја браћа мила!
Ви удрите војсици по крајма,
Ја ћу удримъ војсици по сриједина.

У Кантакузена (который въ этомъ случаѣ долженъ пользоваться заслуженнымъ авторитетомъ) находимъ, что Момчило, подражая импе- ратору, раздѣлилъ войско свое на три части и не ожидая нападенія

врага, самъ выступаетъ противъ него: Θασιλεὺς . . . συνέταττε τὴν στρατίαν . . . ἐπὶ τάγμασι τρίσιν . . . Μομιτζίλος δὲ καὶ αὐτὸς ὅμοιως ἀντιτεταγμένος, ἥει πρὸς τὴν μάχην. Cant. III, с. 86, р. 532—533. Въ сраженіи многіе изъ воиновъ Момчила пали: ἡττᾶτο τὸ Μομιτζίλου (στρατόπεδου) καὶ ἐπίπτον πολλοὶ αὐτῶν—ibid. р. 533.; Момчило отступилъ къ Перитору; Периторцы заперли ворота и безучастно слѣдятъ за битвой; войско Момчила, сойдя съ коней, вступило въ новый рукошацій бой; Момчило убитъ, а незначительные остатки его войска сдались. И Кантакузень, и Грегора одинаково безпристрасно засвидѣтельствовали о безумной, отчаянной храбрости Момчила и его воиновъ.

И въ пѣснѣ Момчило яростно поражаетъ враговъ:

Мили Боже, чуда великога!
Да је коме погледати било,
Како с'јече војвода Момчило! и т. д.;

И пѣсня знаетъ объ обѣ уронѣ, понесенномъ имъ въ первой стычкѣ и обѣ отступленіи его къ Перитору:

Кад изиђе према Пиритору,
Сусрете га девет враних коња,
А на њима брата ни једнога

И въ пѣснѣ

. Момчило
. Отскочи од коња чилаша,
Три пут скочи, до града доскочи,
Али граду врата затворена

Кромѣ всего этого сербскій варъянтъ сохранилъ еще одно исторически вѣрное свидѣтельство о происхожденіи Марка Кралевича отъ Вукашина. Въ томъ обстоятельствѣ, что пѣсня роднить Марка Кралевича съ Момчиломъ, мы склонны видѣть стремленіе привести всѣ эпическія данныя къ опредѣленнымъ цикламъ, въ данномъ случаѣ къ циклу сказаний о Маркѣ Кралевичѣ.

Изъ предыдущаго мы могли убѣдиться, что сербская пѣсня сохранила сравнительно съ Миладиновскимъ варъянтомъ большее коли-

чество историческихъ потребностей. Болѣе позднія наслоенія не могли затмнить той первоначальной исторической пѣсни, которая легла въ основу сказаний о Момчилѣ и сквозить во всемъ Вуковомъ варъянтѣ. Спрашивается, чѣмъ объяснить подобное явленіе? Вѣдь Момчило былъ родомъ болгаринъ; въ Болгаріи провелъ онъ время самой кипучей дѣятельности; въ Болгаріи случилось воспѣваемое эпосомъ событие; естественно было бы предположить, что и пѣсни о Момчилѣ должны возникнуть въ Болгаріи, въ южной Македоніи, чѣмъ вѣроятно, такъ и было. Съ другой стороны Момчило былъ небезъзвѣстенъ и сербамъ, среди которыхъ жилъ довольно долгое время и пріобрѣлъ славу непобѣдимаго вождя; его дружина состояла въ значительной своей части изъ сербовъ; сербскій *народъ*, конечно, относился сочувственно къ этому храброму авантюристу, опиравшемуся на простой людъ, пріютившему въ свою дружину оскорбленныхыхъ и униженныхъ бѣдняковъ. (Въ этихъ отпоменяхъ Момчила къ народу слѣдуетъ, можетъ быть, искать вообще причины существованія пѣсенныхъ и другихъ преданій о нашемъ героѣ). Такимъ образомъ болгарскія пѣсни о Момчилѣ уже въ моментъ своего возникновенія должны были проникнуть и въ Сербію. Но въ то время какъ Периторъ, резиденція Момчила, исчезнувъ съ исторического горизонта и прекративъ свое существование, исчезъ и изъ большинства болгарскихъ пѣсенъ, которыхъ, поэту, тѣмъ легче утрачивали соотвѣтствіе съ дѣйствительностью, въ Герцеговинѣ преданіе о Момчилѣ и историческомъ Периторѣ поддерживалось и до сихъ поръ поддерживается существованіемъ здѣсь развалинъ древняго „града“, которыя и до сего дня сохранили название „Пирлиторъ—Момчилов градъ“. Сюда было пріурочено преданіе о нашемъ героѣ, сначала, вѣроятно, по сходству именъ, а потомъ герцеговинскій Периторъ „према Дурмитора“ вошелъ въ пѣсню всей своей величественной картиной, поражающей своей красотой созерцающаго ее человѣка. Привившись къ *определенному* мѣсту, первоначальная пѣсня легко могла принимать въ себя посторонніе мотивы и другія наслоенія, но основной мотивъ долженъ быть сохраняться среди этихъ наслоеній малоизмѣненнымъ¹⁾.

¹⁾ Болгарская пѣсня сборника С. Ив. Б. № 1, пріуроченная къ Пироту, повидимому сохранила историческихъ элементовъ больше, чѣмъ остальная болгарскія пѣсни того же содержанія.

Такимъ образомъ въ Вуковомъ варягѣ мы должны отличать первоначальный мотивъ; сюда относятся указанныя выше историческая воспоминанія пѣсни и мотивъ измѣнѣи жены, имѣющій за собою историческую основу въ безучастномъ, полуизмѣнническомъ отношеніи Периторцевъ къ Момчилу, фактъ вылившійся въ народномъ творчествѣ въ художественный, прекрасно исполненный образъ измѣнницы жены. Кромѣ первоначального мотива въ Вуковомъ варягѣ мы должны отличать тѣ наслоенія, которыхъ накопились на немъ съ теченіемъ времени. Вотъ эти наслоенія по г. Халанскому:

А) Мотивъ о женщинахъ, умерщвляющей своихъ дѣтей въ доказательство преданности соблазнителю.

Б) Мотивъ обѣ отправленіи героя коварной женщиной (сестрой, матерью) на охоту, гдѣ предвидится его погибель.

С) Порча крыльевъ у коня и оружія героя коварной женой, мотивъ, существующій отдельно отъ пѣсни о смерти Момчила (пѣсня о смерти змѣя огненнаго Вука).

Д) Вукашинъ—убийца Момчила, мотивъ, возникшій подъ вліяніемъ другихъ сказаний о Вукашинѣ.

Е) По мнѣнію г. Халанского первая половина пѣсни о смерти Момчила очень сходна съ однимъ эпизодомъ сказания о Бовѣ, такъ что а priori возникаетъ вопросъ и предположеніе о возможности вліянія книжнаго сказания о Бовѣ на сербской эпосѣ.

Мы въ свою очередь отмѣтимъ здѣсь фактъ, имѣвшій мѣсто въ исторіи южныхъ Славянъ: Орбинъ, разсказывая, какъ Балшичи отняли у Марка Кралевича Костуръ, повѣствуетъ, что Балша II подошелъ съ войскомъ къ Костуру и осадилъ его. Въ это время въ городѣ была Елена, дочь греческаго вельможи Клопена и жена Марка, съ которой однако онъ разошелся по причинѣ ея развратной жизни. Балша вступилъ съ нею въ переговоры и обѣщалъ ей, что онъ разведется со своей женой, дочерью болгарскаго деспота, и женится на ней, если она передастъ ему городъ. Елена охотно согласилась на это и Балша вступилъ во владѣніе Костуромъ (Руварац — „Две студентские расправы“ 60).

Мотивъ измѣнѣи жены принадлежитъ одинаково исторіи и жизни южныхъ Славянъ; отсюда онъ долженъ былъ проникнуть въ эпосъ безъ всякаго книжнаго посредства. Мотивъ этотъ въ такой же степени принадлежитъ эпосу южныхъ славянъ, какъ и мотивъ безкорыстной

преданности сестры, мотивъ, такъ рельефно и съ такимъ чувствомъ изображенный въ пѣсняхъ о гибели Момчила.

III.

Если бы мы попытались возстановить на основаніи предыдущаго первоначальную историческую пѣсню о Момчилѣ, мы должны были бы изъ сербскаго варъянта, какъ сохранившаго наибольшее количество согласныхъ съ исторіей данныхъ, исключить болѣе позднія паслѣнія: имя Вукашина—убійцы, отправленіе Момчила женой на охоту, исторію съ крылатымъ конемъ и вытекающія изъ нея подробности, даже и мотивъ о преданной сестрѣ, жертвующей собою для спасенія брата; мотивъ измѣны жены, какъ имѣвшій за собою историческую основу, выразившуюся въ видимой измѣнѣ Периторцевъ, мотивъ измѣны—мы должны были бы признать древнимъ. Схема предполагаемой пѣсни должна была бы быть слѣдующей: желая овладѣть Периторомъ, градомъ Момчила, врагъ склоняетъ Момчилицу обѣщаніемъ жениться на ней къ измѣнѣ мужу; онъ съ большимъ войскомъ подступаетъ къ Перитору; Момчило съ дружиной, не подозрѣвая грозящей ему опасности, выходитъ изъ крѣпости и наталкивается на вражескую силу. Происходитъ жаркое сраженіе, въ которомъ Момчило, не смотря на отчаянную храбрость, долженъ бѣжать къ стѣнамъ Перитора, потерявъ въ битвѣ свою дружину; онъ находитъ ворота запертыми женой и погибаетъ у стѣнъ своей крѣпости, не принятый въ Периторъ. [Сопротивленіе Момчила и запертые ворота мы считаемъ главнымъ мотивомъ исторической пѣсни и древнѣйшей чертой Вукова варъянта.] Убивъ Момчила, врагъ вступилъ во владѣніе его градомъ и женой, которую однако наказываетъ смертью за измѣну. Такого конца требовало удовлетвореніе нравственному чувству народа.—(Мотивъ о преданной сестрѣ, если и не первоначаленъ, то во всякомъ случаѣ давно примкнулъ къ пѣснямъ о Момчилѣ, на что указываетъ то обстоятельство, что онъ входить почти во всѣ эти пѣсни). Изъ такой пѣсни о гибели Момчила выдѣлились, кроме другихъ варъянтовъ съ трагическимъ концомъ, тѣ пѣсни, въ которыхъ Момчило избѣжалъ смерти и тѣ, въ которыхъ говорится главнымъ образомъ объ измѣнѣ его жены. (№ 181. Еч. и 49 Dz., самостоятельны.)

Изъ варъяントовъ съ трагическимъ исходомъ, кромъ разобранныхъ, намъ извѣстны слѣдующіе: У Шапкарева „Сборникъ от Български народни умотворенія № 375; убийцей здѣсь выступаетъ Краль Капитанъ (Вукашинъ). Былъ славный юнакъ Момчило, а у него „гъяволита“ супруга (злая супруга); по цѣлымъ днямъ сидить у воротъ своего двора, бесѣдуетъ съ Кралемъ Капитаномъ и совѣтуетъ, какъ бы имъ погубить Момчила. Момчило въ этомъ варъянтѣ владѣеть уже и ружьемъ—наслоеніе конечно, возникшее на новой почвѣ. Въ осталномъ варъянтѣ этотъ согласенъ съ прочими: Момчило попадаетъ въ засаду, спасается бѣгствомъ, находить ворота своего двора запертыми и погибаетъ несмотря на вмѣшательство сестры съ полотномъ; слѣдуетъ наказаніе Момчилици.

Качановскій „Памятники народнаго творчества Болгартъ“ № 183. Момчилица спозналась съ Релей Крылатицей, который съ ея помощью убилъ юнака Момчила. У Момчила ружье и маясдракъ—штыкъ. Отрубленная голова Момчила даетъ Ангеліи, сестрѣ, совѣтъ помыться у колодца, гдѣ ростутъ три тополя, чтобы у нея снова выросли волосы, которыми она пожертвовала для спасенія брата.

Ястребовъ „Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ“ стр. 70. Въ этомъ варъянтѣ сохранилось воспоминаніе объ историческомъ Переиторѣ: Момчилица обѣщаетъ Вукашину выслать своего мужа къ Пириту городу на охоту. Подъ этимъ городомъ была устроена засада Момчилу. Въ осталномъ пѣсня эта мало чѣмъ отличается отъ предыдущихъ.

„Периодическо списание на бѣлгарското книжовно дружество“ въ Срѣдецѣ; XII, стр. 119—„Момчилова смѣрть.“ Здѣсь на сцену выступаетъ турецкое войско Синана паши. Синанъ паша посылаетъ къ Момчилици „каурини“ выспросить у нея, въ чемъ заключается сила Момчилова. Момчилица спрашивается въ свою очередь объ этомъ у мужа, который, не подозрѣвая коварства, посылаетъ ее въ конюшню посмотреть своего коня:

На чело му ясно сѣнце,
На гради му ясен месецъ,
По се спага—ясни дзвезди.

Момчилица—Меседо му подкадила,

Съице—то му замрежила,
Дзве́зди—те оперлила.

Утромъ всталъ Момчило юнакъ, подтянулъ подпруги у вороного коня, снарядилъ его и отправился въ войско

Да си бие с три 'иляди
С три иляди силна воскя.
И он може и кон може,
Ама Господ не поможе.

Конь разсказываетъ Момчилу о коварствѣ жены;

Оште рече не изрече,
Пресеко'а Момчил юнакъ!

„Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина“ М. Н. П. I, отд. народ. умотвор. стр. 67. Конь Момчила названъ здѣсь „Шарьц кобила“; т. II стр. 84: Зачастиль Момчило въ *Новый Пазарѣ*, не довольно того, что самъ ходить, а то съ собою и жену береть. Въ Новомъ Пазарѣ Момчилица встрѣчалась съ *Кралемъ Петрушиномъ*, и они вдвоемъ рѣшили погубить Момчила. Петрушинъ говоритъ, что онъ завтра утромъ отправится на охоту, а Момчилица обѣщаетъ снарядить съ нимъ и своего мужа.

Ти го крати со съ мене да иде
Ега можемъ да си го погубимъ.

Момчило заспался и Петрушинъ отправился на охоту одинъ. Разбуженный женою, Момчило сталъ догонять товарищей. Завидѣвъ издали Момчила, Петрушинъ, уговариваетъ дружину схватить его, но Момчило, услышавъ это, предается бѣгству; онъ достигаетъ своего двора и здѣсь умираетъ. Остальные подробности совпадаютъ съ прочими варъянтами.

Въ томъ-же сборникѣ и томѣ на 85 страницѣ находимъ тождественный варъянтъ, съ тою разницей, что вмѣсто Петрушина въ немъ выступаетъ Букашинъ.

Всѣ приведенные пѣсни сохранили известный намъ фактъ гибели Момчила; по кромѣ资料 самого этого факта опѣ не даютъ больше данныхъ,

соответствующихъ исторіи и дѣйствительной личности Момчилы. Гибель его онъ ставить въ связь съ дѣйствительно существовавшими будто бы любовными отношеніями супруги Момчила къ врагу; изъ сферы политической всѣ эти варяяты перешли въ сферу частныхъ интересовъ, выраженіемъ которыхъ является слово „дворы“; Момчило въ нихъ не воевода сильной крѣпости, а простой владѣлецъ своего имущества и двора. Равнымъ образомъ онъ и не храбрый юнакъ, а скорѣе мирный гражданинъ, обладающій только чудеснымъ конемъ: ни въ одномъ изъ перечисленныхъ варяятовъ Момчило не обнаружилъ даже желанія сопротивляться врагу, а, завидѣвши его, обращается въ постыдное бѣгство. Но, повторяемъ, всѣ указанные варяяты сохраняютъ общий мотивъ гибели Момчила, происшедшей вслѣдствіе того, что коварная жена, зная о грозящей мужу опасности, затворила ворота, чтобы погубить его.

Въ одной изъ пѣсень сборника Качановскаго (№ 184) Момчила юнака и его жену убиваетъ Груя при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Эхъ Милица, Милица Загорка! Вотъ сколько времени мы жены съ тобой, а не ходили ни разу къ роднымъ, въ гости къ тестю. Вымойся-ка, заплети голову, замѣси бѣлый погачъ, наточи желтой здравицы, да приготовь и 70 стрѣль, пойдемъ съ тобой къ милой роднѣ. Когда сны были въ лѣсу, Момчила „дремка одремала“ и онъ приказываетъ Милицѣ пропѣть пѣсню. Милица не рѣшается: она боится Груя, который, заслышивъ, погубить ее. Успокоенная мужемъ, Милица запѣла такъ громко, что съ деревьевъ посыпались листья. Груя съ семьюдесятью товарищами догоняетъ Момчила съ женой; семьюдесятью стрѣлами Момчило уничтожаетъ дружину Груя и вступаетъ съ нимъ въ единоборство; боролись они три дня и три ночи, наконецъ Груя говоритъ Милицѣ, чтобы она помогла кому нибудь изъ нихъ двухъ. Милица помогла Момчилу и перерѣзала поясъ у штановъ Груя. Разозлился Груя, съ новой силой напалъ на Момчила и одолѣлъ его. Убивъ Момчила, Груя умертвилъ и его жену.

Смерть Момчила въ этой пѣснѣ пріурочена уже къ новому, еще не встрѣчавшемуся мотиву, возникшему на гайдуческой почвѣ. Она напоминаетъ тѣ распространенные среди болгаръ пѣсни, въ которыхъ девушка подвергается преслѣдованию гайдука за то, что забывъ свою прежнюю къ нему любовь, выходитъ замужъ за другого¹⁾. И въ

¹⁾ Ср. Шпк. 336, 360; Безсоновъ XL и XLII, Дозонъ 34 и т. п.

нашай пѣснѣ есть очевидная недомолвка: почему Милицу пугаетъ Груя? Очевидно между ними были раньше какія то отношенія, и Груя мстить Милицѣ за что-то. Скрываясь въ лѣсу съ дружиной, Груя является гайдукомъ, и наша пѣсня поэтому относится къ сравнительно недавнему времени, хотя въ ней и есть одна древняя черта: Момчило задремалъ и проситъ Милицу запѣть; тоже было и съ Маркомъ Кралевичемъ, когда онъ путешествовалъ съ Милошемъ черезъ лѣсъ. Марко задремалъ на своемъ Шарцѣ и проситъ Милоша запѣть, развеселить его. Милошъ боится вилы Равијолы, во Марко успокаиваетъ его и Милошъ

Красну је песму започео
Од сви наши бољи и старији,
Како ј'који држао краљевину
По честитој по Мађедонији,
Како себе има задужбину. (Вук. II, 38).

Такой же заимствованный мотивъ мы видимъ и въ слѣдующей пѣснѣ сборника Шапкарева (№ 448.)

Позвалъ „стара Новачина“ Момчила юнака съ женой къ себѣ въ гости, но Момчилица остается дома смотрѣть за хозяйствомъ и за малыми дѣтьми. Три дня пировалъ Момчило въ гостяхъ у тестя, на четвертый узнаетъ, что паша Вла'ана разграбилъ его дворы, взялъ

Стара макња за стара робиња,
Пјрвио любе—за любе одведе,
Машко дете—за маленко ропче
Мила сестра—слуга да му баде.

Сталь Момчило торопиться въ погоню, а старый Новакъ убѣждаетъ его напрасно не трудиться

Я чемъ тебе любие да си найдем,
Иошт по'арно од моја та щерка.

Не послушалъ Момчило старого тестя, отправился догонять обидчика. Въ зеленомъ лѣсу Момчило „засвири 'айдучки гласове“ (засвистать по гайдуцки), и вѣрные кони Момчила издали отвѣчали своему хозяину. Встревожился Влаанина, и Момчилица, чувствуя близость мужа,

совѣтуетъ ему бѣжать поскорѣе. Но догналъ ихъ Момчило; ударились враги острыми саблями—сабли поломались, схватились въ рукопашный

Од паша си цѣрни крѣви тѣча'
Од Момчила силен огъин гори.

Момчилица оказываетъ предпочтеніе Влааниѣ: она перерѣзала у Момчилы „чашникъ“—поясъ у штановъ и тогда только Вла'ана одолѣлъ Момчилы.

Погуби го Паша Вла'ана.

Мотивъ этотъ принадлежитъ другому юнаку, именно Бановичу Страхинѣ, съ той разницей, что Страхиня побѣждаетъ своего врага, несмотря на измѣнническое участіе въ битвѣ жены, которая ранила его въ голову. Помогаетъ Страхинѣ песь Караманъ. Шанся эта состоять изъ 810 стиховъ (Вук. II 44). Мы передадимъ ея содержаніе въ самыхъ общихъ чертахъ, преимущественно тѣхъ, которые совпадаютъ съ нашей болгарской пѣснею:

Страхиня гостить у своего тестя Юга Богдана; сюда приходитъ извѣстіе, что нѣкій паша Влаа—Алія разграбилъ его дворы и увелъ съ собою жену. Этотъ Влахъ Алія былъ одинъ изъ сильныхъ визирей, пришедшихъ съ царемъ на Косово. Не долго думая, Страхиня сталъ собираться въ путь и не обратилъ вниманія на обѣщаніе тестя послать другую, болѣе красавицу невѣstu. Одинъ (такъ какъ Югъ отказался отпустить съ нимъ своихъ девять сыновей) онъ отправляется на Косово; за нимъ побѣжалъ вѣрный песь Караманъ. На Косовѣ Страхиня находитъ своего врага и вступаетъ съ нимъ въ битву. Сабли у нихъ поломались, началась рукопашная, которая безъ успѣха продолжалась цѣлый лѣтній день. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Страхиня приказываетъ женѣ взять обломокъ сабли и помочь кому нибудь изъ нихъ. Прельщенная обѣщаніями Турка, жена наносить Страхинѣ рану. Позвалъ тутъ Страхиня вѣрнаго пса, который удержалъ измѣнницу отъ дальнѣйшихъ нападеній на мужа, а самъ Страхиня собрался съ силами, повалилъ Турка на землю и задавилъ его зубами, какъ волкъ ягненка. Женѣ своей Страхиня простилъ измѣну.

Всѣ разобранные до сихъ поръ варьянты имѣли трагической исходъ. Рядомъ съ ними существуютъ и такие, въ которыхъ Момчилы,

избѣжавъ опасности, наказываетъ свою жену; это № 421 Шапкарева и 182—Качановскаго.

Паша Вла́яна пишетъ письмо къ Момчилици, чтобы она отравила Момчилу и вышла за него замужъ. Момчилица отвѣтаетъ, что трудно ей отравить Момчилу: есть у него сестра Евросина, которая готовить брату „ручакъ“ и „вечерю“, а мать помогаетъ ей прислуживать сыну. Взамѣнъ того она дала совѣтъ устроить засаду на „Гюргевъ ден“¹, когда Момчилу обыкновенно ходитъ на охоту, а сама залѣпила коню глаза смолою, сожгла у него крылья, испортила саблю Момчилы. Момчилу снится вѣщій сонъ, будто на охотѣ онъ встрѣтилъ трехъ змѣй; двухъ изъ нихъ онъ будто убилъ, третья его самого сѣбѣла. Не смотря на дурное предзнаменованіе, Момчилу отправился. У Могленской горы онъ набрелъ на шатерь и большое, трехтысячное войско съ нашей Шишманиномъ (вм. Вла́яна). Не узнавъ Момчилу, Шишманинъ разсказываетъ, что онъ здѣсь въ засадѣ, поджидаетъ его, а Момчилу обращается сейчасъ-же въ бѣгство. Онъ находитъ ворота своего двора запертыми и, пока сестра пребрасывала ему полотно, онъ попадаетъ въ руки врага. Врагъ однако не убиваетъ Момчилу. Онъ ведетъ его съ собою во дворъ. Здѣсь Момчилу упрашивается Шишманина не жениться на его женѣ, измѣннице, а взять за себя его сестру. Сестра и слышать не хочетъ обѣ этомъ; она сняла правый башмакъ и подала его Шишманину: надѣнеть его и ей будетъ впору, она пожалуй, согласится быть его женой. Оказалось, что въ одинъ башмакъ Евросины помѣстились обѣ ноги Шишманина. Тогда сестра тихонько удалилась отъ стола,

Та извади онай влажкы ножи,
Та погуби три ильяди войска
И погуби Паша Шишманина,

а Момчилу, схвативъ свою жену, раздѣль ее, намазаль саломъ и смолой и зажегъ съ русой головы. (Шпк. 421).

Въ другомъ варьянѣ (Кч. 182) Момчилу попалъ въ руки Чернаго Арапина, который какимъ то образомъ освободилъ его. Воспользовавшись этимъ, Момчилу уничтожилъ войско Арапина, а самому Арапину „со съ два прста душа извади“. Жену Момчилу наказалъ смертью.

Мы могли наблюдать постепенную переработку основнаго мотива въ пѣсняхъ о Момчилѣ, который сначала представлялъ, должно быть,

сказание близкое къ исторической действительности; съ течениемъ времени изъ него во многихъ пѣсняхъ сохранился только фактъ смерти этого героя, а главное вниманіе въ нихъ было обращено на мотивъ измѣны жены. Мотивъ этотъ наконецъ выдѣлился въ самостоятельную пѣсню; вотъ ея содержаніе (Шпк. 424).

Три года молчала матушка Момчила. Догадался наконецъ юнакъ спросить ее о причинѣ; оказалось, что она замѣчала за Момчилицей нечто нехорошее. Для того чтобы это могъ замѣтить и Момчило, мать соѣтуетъ ему устроить пиръ, но не звать на него Марка—славнаго юнака. Стала суетиться Момчилица, приготовляя нужное для приема гостей, и, улучшивъ минуту, обращается къ Момчилу: „Что сдѣлалъ тебѣ Марко, что ты его не позвалъ?“ Момчило притворился, будто онъ не сдѣлалъ этого по забывчивости, и поручилъ женѣ самой пойти за Маркомъ. Три дня и три ночи пропадала Момчилица; на четвертый вернулась домой и привела Марка. Видъ ея свидѣтельствовалъ о томъ, что время это было проведено ею въ свое удовольствие. Однако Момчило испытывалъ ее еще дальше: разсаживая гостей, онъ посадилъ Марка „у край, у деца—та“ (т. е. среди дѣтей, на концѣ стола). Опять вступилась Момчилица за своего любовника. Тутъ ужъ разсердился Момчило, схватилъ свою подругу, раздѣль ее до нага, закопалъ по поясъ въ землю и зажегъ ее съ русой головы.

Итакъ до сихъ поръ намъ не известно ни одной пѣсни, въ которой бы Момчило искалъ подвиговъ для славы,—какъ дѣлаютъ то другіе юнаки юго-славянскаго эпоса,—ни такой пѣсни, въ которой бы Момчило выказалъ себя юнакомъ въ смыслѣ напримѣръ Марка Кралевича. Если онъ дерется съ врагами то только для самозащиты, въ большинствѣ же варяговъ онъ не обнаруживаетъ и желанія вступать въ бой, а замѣтивъ непріятеля, обращается въ бѣгство. Онъ является въ этихъ варягахъ скорѣе мирнымъ гражданиномъ, выполняющимъ добросовѣстно свои обязанности, чѣмъ борцомъ за народъ, вѣру, угнетенныхъ и т. п. Онъ колеть на Ильинъ день „курбанъ“ (жертвенный ягненокъ), исполняетъ какъ добросовѣстный семьянинъ, прихоть больной, вѣроятно беременной, жены и уходить со двора, чтобы принести ей „от лофчок помада“. Дворъ Момчила, какъ увидимъ ниже, отличается богатствомъ; самъ онъ больше другихъ занятъ преданьемъ охотѣ. Въ то-же время у насть есть пѣсни, въ которыхъ

уже совершенно отсутствуют особенности Момчила какъ древняго юнака, героя совершающаго подвиги.

Посватался Момчило юнакъ, пришло время и свадьбы. Пошель Момчило со сватами за невѣстой. Когда свадебное шествіе возвращалось домой, спутники Момчила увидѣли въ лѣсу сѣраго оленя и помчались всѣ за нимъ, оставивъ Момчила одного съ невѣстой. Хотѣль Момчило воспользоваться случаемъ и поцѣловать невѣсту. Когда онъ цѣловалъ ее, сидя на конѣ, высунулся у него изъ-за пояса золотой ножъ и вонзился въ сердце невѣсты. Стала просить невѣста у Момчила, чтобъ заткнулъ онъ ей рану полотномъ.

На сѧ Богу помоли:
Подрѣж ми, Боже, душа—та
До Момчилови дворови,
Че ми ги много хваляхъ
Камени му бѣли дворови,
Че шимширени му къщици
Желѣзни му врати—ти
Сребрѣни му ключарки.

Исполнилъ Богъ молитву молодой невѣсты. Увидѣла она Момчиловъ дворъ, хотя и не жила въ немъ. Завидѣвъ невѣсту, мать Момчила удивляется, что невѣста желтая—зеленая, а ей говорили, что она румяная красавица. Тогда невѣста, попрощавшись со сватами, кумовьями и всѣми присутствующими, вынула изъ раны линяной лоскутъ и простилась съ душой. (Дозонъ 49).

Сталъ строить Момчило девять водяныхъ мельницъ и девять валивницъ (гидравлический снарядъ для обработки кожи), но ему не хватило денегъ окончить работу и онъ задолжалъ. Мать, чтобы помочь дѣлу, советуетъ Момчилу вывести ее „на нови пазара“.

Ега би дана учинило,
Та ега би боргох одборгило (разсчитался съ долгомъ)

Жена Момчила тоже предлагаетъ себя для продажи. Когда Момчило вывелъ жену на „нови пазарь“ прежде всего имъ повстрѣчался черный Арапинъ, который купилъ Момчилицу за 12 тысячъ. Стало жалко Момчилу, что жена его попала въ руки Арапина, онъ возвращаетъ ему деньги, а Елену покупаетъ снова за 12 тысячъ „Турче саратличе“. Однажды турокъ говоритъ Еленѣ

Тако м' Бога, Елено невѣсто!
Ка ог҃ре това ясно слѣнце,
Напредъ удри у мои двореве;
Како ты дойде у мои двореве,
Ни ми грѣе това ясно синце,
Ни ми е одѣ дервье слама опадать.

Изумленная словами турка, Елена предлагаетъ ему поискать въ головѣ и находить у него въ волосахъ „три златна влакна“; по этому признаку Елена узнаетъ въ турка своего брата. Тогда турокъ отпустилъ свою сестру и помогъ Момчилу разсчитаться съ долгами. (Кач. 181).

Съ подобными мотивами встрѣчаемся мы весьма часто въ болгарскихъ пѣсняхъ, преимущественно новой формациі. Въ такихъ пѣсняхъ обыкновенно турки, распредѣляя подати, налагаютъ на кого нибудь непосильную сумму денегъ; чтобы заплатить ее болгаринъ ведеть на продажу свою жену и продаетъ ее турку. Случайность открывается имъ, что они братъ и сестра, что еще будучи ребенкомъ братъ былъ отнятъ у матери, воспитанъ въ турецкой вѣрѣ и теперь съ трудомъ признаетъ себя болгариномъ. Въ только что изложенной нами пѣснѣ Момчило задолжался не въ податяхъ; онъ строилъ мельницы и валивицы, которые повели его къ долгу. Въ этомъ отличительная черта пѣсни о Момчилѣ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что подобные мотивы сохранили отчасти воспоминаніе о томъ тяжеломъ времени, когда турки брали дань дѣтьми, изъ которыхъ впослѣдствіи формировалось отборное войско—Янычары.

Подводя итоги всему сказанному, мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ. Исторический Момчило, какъ изображаютъ его византійскіе историки—это полный энергіи, живой, подвижный и неутомимый дѣятель, авантюристъ, если угодно даже гайдукъ, но гайдукъ не мелкій, какъ послѣдующіе, а крупная единица, оказывавшая вліяніе на ходъ современныхъ ему событий на Балканскомъ полуостровѣ; это могущественный воевода, пользующійся неизмѣримымъ обаяніемъ и авторитетомъ у своей не малочисленной дружины, готовой по одному слову любимаго вождя пожертвовать жизнью. Гибель такого славнаго представителя народа произвела сильное впечатлѣніе на народную фантазію; она вошла въ эпосъ народный и представляетъ главный

мотивъ, вокругъ котораго грушируются пѣсни объ этомъ славномъ юнакѣ. Гигантскій образъ Момчила нашелъ себѣ выраженіе въ заключительномъ моментѣ большинства варъяントовъ:

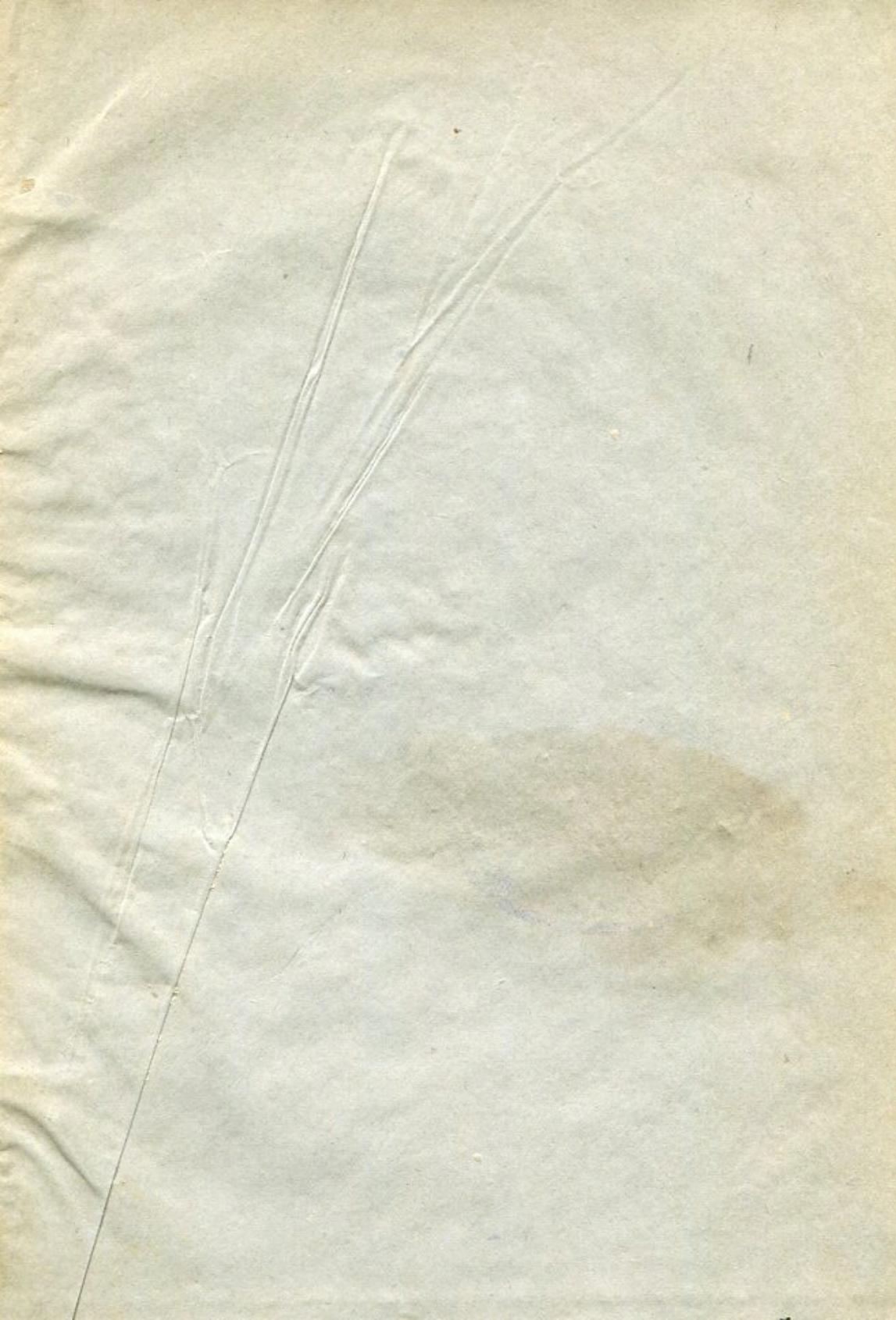
Врагъ вступиль во владѣнія Момчила, и Момчилица

Изнесе му рухо Момчилово,
Момчилово рухо и оружје;
Ал' да видиш чуда великога:
Што Момчилу било до колѣна,
Вукашину по земљи се вуче;
Што Момчилу таман калпак био,
Вукашину на рамена пада;
Что Момчилу таман чизма била,
Ту Вукашин обје ноге меће;
Што Момчилу златан прстен био,
Ту Вукашин три прста завлачи;
Што Момчилу таман сабља била,
Вукашину с' аршин земљом вуче;
Што Момчилу таман джеба била,
Краљ се под њом ни дигнут' не може.

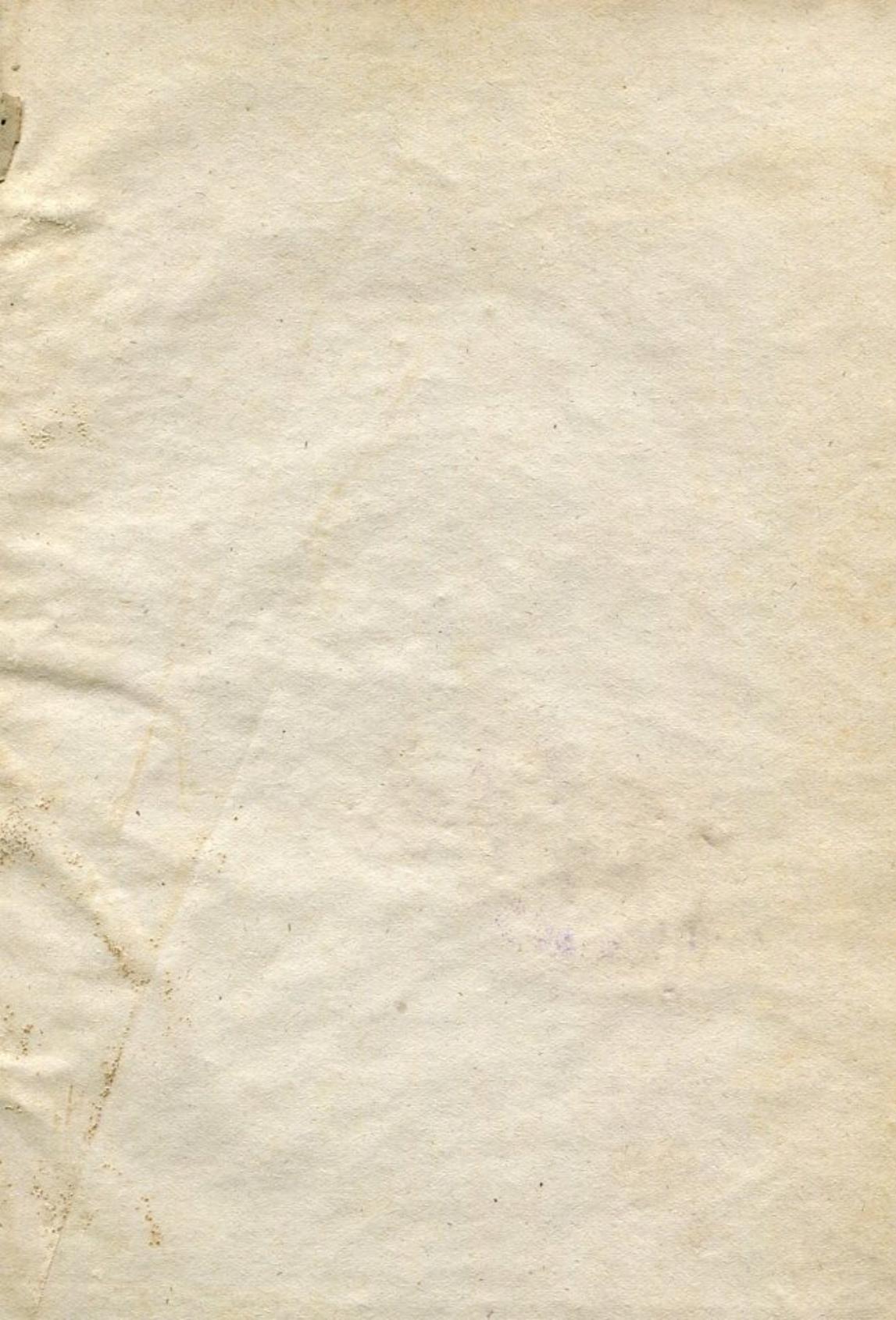
Самъ врагъ признаеть Момчила юнакомъ,

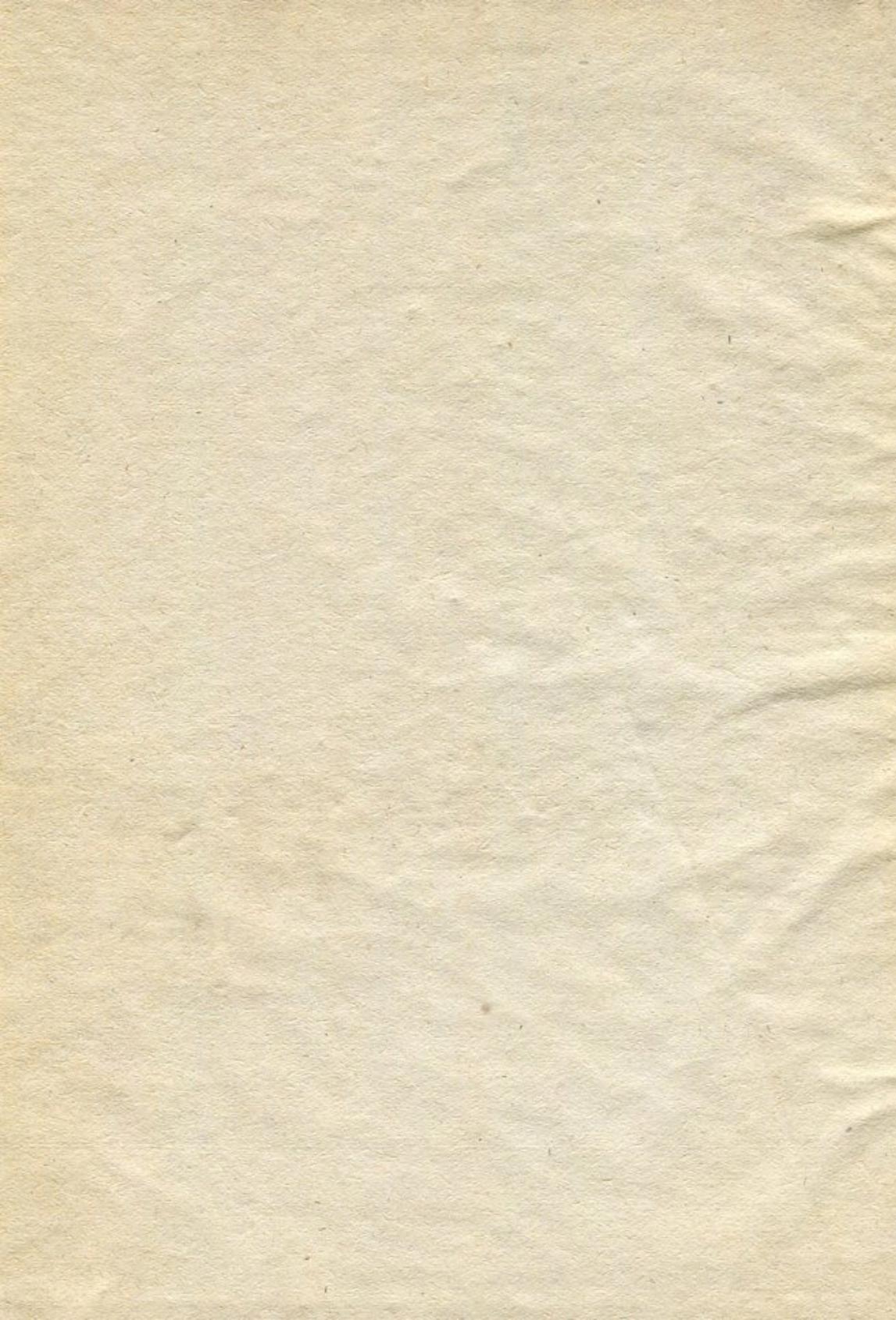
Кога данас у свјету нема.

Что касается самаго факта гибели Момчила, то онъ сохранился въ значительномъ большинствѣ сербо-болгарскихъ пѣсень съ разными отклоненіями въ ту или другую сторону; но только одинъ или два варъянта болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ исторической дѣйствительности. Въ остальныхъ Момчило не только не сражается съ непріятелемъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, но даже убѣгаеть отъ него, являясь скорѣе мирнымъ гражданиномъ, преданнымъ всею душой охотѣ, чѣмъ предпримчивымъ юнакомъ. Мотивъ измѣнны жены затемнилъ въ нихъ остальные и наконецъ выдѣлился въ самостоятельную пѣсню. Съ другой стороны пѣсня, въ которой Момчило задолжался благодаря предпринятой имъ постройкѣ мельницѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что въ представлениі народа Момчило храбрый юнакъ постепенно превратился въ мирнаго селянина.

~~5 Dec 38~~

6

42756

1